

Колдовские

Миры

РАДУЖНАЯ ТОПЬ ИЗБРАННИКИ СМЕРТИ

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

Колдовские миры

Дарья Зарубина

**Радужная топь.
Избранники Смерти**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зарубина Д. Н.

Радужная топь. Избранники Смерти / Д. Н. Зарубина — «Эксмо»,
2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-091813-3

Вот-вот положит конец бедам Чернский князь. Владислав нашел способ справиться со страшным проклятием – радужной топью, которое грозит опустошить и его княжество, и все Срединные земли. Красавица-княгиня носит под сердцем наследника. Но нет в княжеском тереме мира и покоя. Сгущаются темные тучи над головой Влада, предвкушает страшную месть черная ворожея, собирают воинов под свои флаги заговорщики-соседи. Сумеет ли травница Агнешка выкупить у темных сил жизнь того, с кем связана самой судьбой? И какую заплатит цену?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091813-3

© Зарубина Д. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	46
Глава 17	50
Глава 18	52
Глава 19	55
Глава 20	56
Глава 21	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дарья Зарубина

Радужная топь. Избранники Смерти

Глава 1

Дай нам Землица легкой дороги, когда и птица не чиркнет, и зверь не хрустнет веткой в ночи. У кого судьба тяжела, тому любая дорога легкой покажется. Ворожея, видно, не ждала лиха от темных зарослей. Что может ей, с ее-то силой, сделать лесной зверь? Шагала скоро. Мимо нее, погромыхивая колесами, прокатилась поздняя повозка. Седоки, казалось, дремали, да только притворством не обмануть было старую колдунью. Она почувствовала, как оба – и слуга, и господин – проводили ее недобрым взглядом.

Ворожея усмехнулась. Черный ветер нырнул под платок, шепнул на ухо.

Она испуганно обернулась вслед повозке, сверкнула глазами, но одернула сама себя: не время еще. Получит свое князь Владислав.

Уж за ближним лесом виднелась городская стена. Продрогшие часовые притопывали на ветру, а облаченной в черное женщине словно и дела не было до холодного дыхания осени. Она все так же скоро пошла дальше, опираясь на узловатую палку.

Навстречу ей выскочил, тяжело дыша, большой гончак. Колдунья замахнулась было на него палкой, пес зарычал, требуя дороги. И на мгновение – не увидать такого простому мертвяку, только магу – блеснула в его зрачках радуга.

– Прости, матушка, не признала, – торопливо выставила вперед два пальца ворожея. – Иди с миром, за кем сестрой послана.

Женщина почтительно отошла на обочину. Пес рванул дальше, взметая облака пыли. А колдунья двинулась своим путем. В воротах ее никто не окликнул: часовые едино-временно что-то заприметили в осеннем небе, удивленно уставились ввысь – и женщина проскользнула незамеченной. Видно, она хорошо знала Черну, потому что по сторонам не оглядывалась, дороги не спрашивала – шла скорым шагом прямо в сторону княжеских хором. Но не гостьей, видно, прибыла. Обошла околицей, постучала трижды в маленькое окошечко кухни. Дверь отворилась, и на пороге предстала Агата Бяломястовская, бледная как смерть, неподвижная, суровая. За ее спиной суетилась, прогоняя прочь назойливых девок, толстая нянька.

– Она это, она, – проговорила книжница, хромая к двери. – Входи, Надзея, – и добавила сдавленным шепотом: – Принесла ли?

Женщина не ответила, бросила на хромоногую один только быстрый взгляд – и столько в нем было презрения, что впору платком с лица оттирать да отряхиваться. По-прежнему опираясь на палку, ворожея склонилась к ручке княгини Агаты. Та, не проронив ни слова, махнула ручкой: мол, за мной иди. Ведьма прошла мимо замерших по углам девок, одарив каждую тяжелым, грозным взглядом. И у каждой тотчас нашлось дело, да такое срочное, что пора бежать, причем на другую половину дома, подальше от жуткой бабы.

Агата шла, не оглядываясь, широко, сколько позволяли в шагу юбки. Ворожея, казалось, едва переставляла ноги, а все не отставала. Нянька, сопя и шаркая туфлями, поспешала за ними, но отставала все больше, а попросить хозяйку и колдунью погодить мешала проклятая гордость.

Эльжбета сидела на постели, капризно скривив губки, но, увидев мать, вскочила, едва удержалась на слабых ногах. В мутных от беспрестанных слез глазах затеплилось сальной свечкой любопытство.

– Пришла бабка, – бросила Агата, движением руки заставив дочь сесть. Эльжбета присанилась, сколько позволяло ее положение, да только прежней лебеди и след истаял – кура растрепанная, да и только.

Агата с горечью отвернулась от дочери, позвала, стараясь говорить как можно любезнее:

– Входи, бабушка...

Глухо и грубо прозвучал голос. Да и где взяться ласке, если пришел черный день? Ветрову служанку приходится в дом впустить. А как иначе? Любую земную силу Владислав тотчас учует, словно орех расколется да скорлупки в ладони в пыль разотрет. Силен зять, оттого и выходит, что не защитит Эльку, дурью голову – длинную косу, от мужа, души ветру не продаст.

Как позволила уговорить себя, запугать? Попала, как ржаной сноп между двух жерновов: с одной стороны хромая нянька беду кличет, с другой – Элька слезы льет. И обе в два голоса воют: «Отмолишь, матушка, а если прознает князь, уж жизни ни своей, ни дочерней не выкупишь».

Хотела Элька дитя убить. Рано или поздно узнает Владислав. Проще бросить дуру одну со старой книжницей, что ей пятки лизать готова, да первым возком к Якубу – болит что-то по нем сердце. Да как бросишь родную кровинку, как ее, располневшую, косматую, глупую, оставишь на растерзание Чернцу?!

Агата отошла на шаг, пропуская в двери пришлую колдунью.

– Бабушка, – усмехнулась та из-под платка, тяжело опираясь на палку, вошла в комнату, оглянулась. И княгини едва не ахнули обе: в одно мгновение превратилась гостья из бабушки в барыню. Выпрямилась спина, гордо поднялся подбородок. Словно выше ростом стала в один миг колдунья. И ветер, которому и взяться бы неоткуда в покоях с запертыми ставнями, пролетел, всколыхнул складки на юбках.

– А не знаешь ли ты, матушка, словницу Ханну? – невпопад спросила у гостьи Эльжбета. – Она тоже из Бялого. Уж больно стать у вас схожа.

В дверях, тяжело дыша, появилась нянька. Колдунья, надменно изогнув бровь, бросила ей склянку с какой-то бурой жижей, и нянька торопливо вытащила ногтями пробку и опрокинула снадобье в рот. Скривилась от отвращения, привалилась к дверному косяку, прикрыла глаза.

– Не знаю я Ханны. И господин мой не знает. Мы, те, что под Небом всеильным ходим, друг друга всегда распознаем. Нет среди небовых жриц словниц. Обманула тебя, княгиня, эта Ханна. Ну да ничего. Я не обману. У нее ты тоже просила мужа извести?

И мать, и дочь дернулись вперед, зашикали: что ты! Мыслимое ли дело, в таком-то доме болтать. Слетят с губ неосторожные слова – а за ними и головы с плеч покатаются. Прибьют их в рядок на Страстную стену.

Ворожея улыбнулась удовлетворенно, поняв, что оказалась права.

– Не отвечай, княгиня, я поняла. И даю слово тебе – все силы, что есть моих и тех, что Небом-батюшкой даны, направлю на то, чтоб к первому снегу назвали тебя вдовой! Желает ли дитя сохранить?

– Да что ты говоришь? – зашипела Агата. Даже ради Эльки не могла она такого вынести. – Что мелешь? Душу губить невинную, Землей благословленную на княжение? Ведь Владислав Чернский и дитя, что Эльжбета в утробе носит, – последние, кто имеет право на Чернскую землю. Не только душу земную, но и край загубишь. Земля мертвая встанет на годы. А там начнут липовые наследники удел Чернский друг у друга рвать: тут не две капли крови на древний камень, тут реки кровавые прольются...

– Нельзя его убить, – сдавленно проговорила Эльжбета. – Я пыталась. А ведь золотница, не какая-нибудь ворожея. Только отповедью себя покалечила.

Она подняла рукава, показывая поблекнувшие синяки на бледной коже.

– Это пока он в утробе и колдовством князя защищен. Должен Чернец будет защиту снять, чтоб позволить наследнику родиться. А в родах не муж, я подле тебя буду. Вот и скажи мне, как будущей твоей повитухе, живого аль мертвого сыночка желаешь на руки взять, как разродишься?

– Да что вы такое городите обе?! – всплеснула руками Агата. – Нянька! Хоть ты ей скажи!

Нянька открыла глаза, недоуменно глядя вокруг. Прошлась упругой походкой, легко ступая на выздоровевшую ногу.

– Задремала я, матушка, не слышала, о чем вы тут. Да только скажу, что Надзея знает, что говорит. Ей такое под силу, что нам и не выдумать. Я, матушка Агата, тебя послушалась – и без ноги едва не осталась, а когда ее слушать стала – снова хожу. Так что за правду не сердись и советы ее принимай смело.

Нянька, радуясь тому, что отступила проклятая боль, прошлась еще раз до окна и обратно, словно поделив покои надвое: в одной стороне – скалящаяся довольной лисой ворожея Надзея и красная от злости на мужа Элька, в другой – растерянная Агата Бяломястовская. Но не стала бы Агата хозяйкой Бялого, если б не умела ответить любому зарвавшемуся холопу.

– Я тебе плачу, а не она. – Агата ткнула пальцем в Эльжбету. – Потому у меня и спрашивай. Внука мне оставишь, и если случится что с ним – ответишь своей головой.

Взгляд Надзеи вспыхнул таким гневом, такой злостью, что Агате захотелось заслониться от него рукавом, так прожигал он. Но выдержала госпожа Бялого этот взгляд, не дрогнула. Надзея опустила голову и кивнула с покорностью, мол, как пожелаешь, матушка...

Глава 2

– Кто я, чтоб господской воле противиться. Матушка, кто же знал, как оно все перекрутится, повернется... – шептал себе под нос возчик Славко, одной рукой придерживая вожжи, а другую то запускал в густые черные волосы, то теребил пальцами косматую бороду.

Его тревога не укрылась от внимательного взгляда седоков. Только каждый повел себя по-разному: господин не сводил глаз с возницы, а сумрачный закраец, наоборот, внимательно зыркал большой хищной птицей по сторонам, словно за каждым кустом ждал засады.

– Куда это ты правишь, Борислав Мировидович? – спросил князь тихо. – Здесь к башне направо, а ты влево берешь. Не иначе задумался?

Возница затряс головой, не проронив ни слова. Хлестнул лошадак. Повозка поворотила направо.

Бородач и правда был словно сам не свой. Вздогнул, когда князь перебрался к нему на козлы, похлопал холеной ладонью по плечу.

– Прости, манус Борислав, не подумал. Не так я жесток. По глупости это.

Возчик поглядел на князя с таким изумлением, будто впервые увидел.

– Зря я тебя заставил поворотить. И правда, ехали бы дальше налево. В Конки, в Запряжино. Забыл я, друг Славко, что едем к той самой башне, у которой с тобой беда случилась. Нет мне за то прощения, но ты все-таки постарайся. Но если станет невмоготу – повернем назад. Едем ли?

Тут уж и Игор повернулся и с удивлением уставился на хозяина. Не мог понять, отчего тот так ласково говорит с каким-то мужиком. И благо бы с магом.

– Не смотри так, Игор, – улыбнулся князь. – Я Бориславу Мировидовичу по гроб жизни обязан. Ни тебя, ни Конрада еще со мной не было, а радужная топь уже начала понемногу окошки свои открывать. Вот и стал я строить сторожевые башни и сажать в них магов, да только не все рассчитал. Раз сумели закрыть, два. Хватало сил, магии. И топь тогда была не так сильна, быстро насыщалась. Да только случилось так, что пришлось вот ему, – князь указал глазами на возчика, – одному против топи выйти. Манусу, Игор. Без подмоги. Под моим полным гербом.

– Как не убила тебя топь? – рыкнул на возчика закраец.

Возница только дернул плечами: не знаю, мол. А князь продолжил:

– Не убила, верно. А силу всю досуха выпила. Вот этот долг и кое-какие другие, Игор, я и пытаюсь заплатить. Веришь ли, друг Славко, совсем скоро заплачу. Согну в дугу радужную топь.

Владислав снова хлопнул возницу по широкой спине, улыбнулся.

– Что, Игор? Хочешь спросить, здоров ли я, что вот так случайному человеку рассказываю?

Великан ничего не сказал, только хмыкнул.

– Неспокойно тебе, Борислав Мировидович. Не можешь ты этого скрыть, хоть из-за топи, видно, мысли твои прочесть я не могу. Вот и хочу, чтоб знал ты: почти нашел я управу на радугу. Дай срок, и будет у каждого в доме склянка, которой можно топь унять. И если везешь ты нас с моим Игором в западню – подумай, стоит ли горсть золота того, чтобы всю землю без снадобья моего оставить. Один на один с топью, как когда-то ты сам стоял.

Щеки и уши возчика залил густой румянец.

– Так, говорят, ведьма какая-то топь насылает? – спросил возчик грубовато, словно бы сжимаясь под внимательным взором Чернского властителя. – Если беда пришла, завсегда баба виновата.

– Это верно, – рассмеялся князь. – Все зло от них. Как женатый человек тебе скажу. Видишь, самолично по башням побежал, лишь бы с супружницей в тереме не сидеть. Так и ты ведь женат, а в возчиках. Дома совсем худо? Неуж не хватает вам того, что я плачу?

Возница промолчал, и князь не стал допытываться. Хорошо ли будет дома, если шла девица за княжьего мануса, а приходится жить с увечным, по силе, почитай, мертвяком.

На башнях все было спокойно. Пока князь беседовал с башенными магами, Игор и бородатый возчик остались подле лошадей. Возчик – подальше от князя, закраец – присмотреть за странным калеккой. Возле первой же башни, в Рябом, увязался за ними большой пес, с виду гончак хорошей породы, только запыленный и вымотанный бегом. Невольно подумалось Владиславу: не сбежал ли широколобый паскудник из своры Казимежа? Князь умер, пса искать не стали, а он за кем-нибудь погнался, да и заплутал. Вот и вяжется за каждым обозом, надеется унюхать знакомый запах и добраться домой.

Видно, этот самый запах учуял он от возницы, потому что нырнул тому под ноги и принялся, колотя хвостом и чихая от пыли, тыкаться бывшему манусу под руку носом. Когда Владислав подошел, гончак зарычал, ощерившись.

– Пойдешь ли за нами в Бялое? – спросил князь сурово. Пес притих, прислушался к его голосу, склонив голову набок – словно понял что: вывалил широкий розовый язык и принялся мести хвостом по траве.

Владислав не сдержался и потрепал пса по ушам, но, заметив странный взгляд возчика, убрал руку. Пес ловко прыгнул на воз и уселся возле закрайца, словно тут ему и приказано.

– Задница у тебя, приятель, как у пекаря, – толкнул его локтем Игор. – Ну-тка подвинься, а то Владиславу Радомировичу места не станет. Экий хлыщ. Ногами побежишь!

Собака обиженно фыркнула, но от тычка закрайца не пожелала сдвинуться ни на толику, словно давая понять, что князь и его спутник на возу – гости, а он – хозяйский любимец и место свое уступить кому попало не намерен.

– Ах ты, наглая тварь, – замахнулся на пса закраец, но возчик остановил его:

– Мой это пес. Дома оставил, а он за мной побежал. Боюсь, если скажу до дому возвращаться – дороги не найдет. Башка широкая, а ума как у тетерева.

Князь пристальнее посмотрел на собаку – не мог он ошибиться, Казимежев был пес. Кажется, даже видел он его при князе в Бялом.

– Ну-ка, Проша... Дай-ка батюшке-князю места, – проговорил он ласково. Возчик вздрогнул, собака вскинулась, услышав свое имя. – Ведь не купил ты ее, Славко, верно?

– Прибилась в пути, да так со мной и пошла. Уж пару месяцев при мне, – признался возница.

– Это князя Казимежа из Бялого пес. Гончак большой цены, – разъяснил Влад, видя, как наполнились горечью глаза возницы. – Вернуть его ко двору Бялого нужно. Захочет новый князь – подарит его тебе или продаст, если ты цену сможешь дать. Уверен, что за то, что вернул его, наградит. А вот если оставишь себе собаку и узнает в ней кто любимца князева – вором тебя назовут и поступят как с вором.

Возчик понуро кивнул: мол, понял, не дурак.

Владислав потянулся рукой к ошейнику собаки, чтобы продеть в петлю веревку и привязать пса, но отдернул руку, потер пальцами веки. На мгновение показалось ему, что глаза собаки превратились в радужный круг. На границе зрения мелькнуло что-то белое.

Владислав огляделся, позвал мысленно: «Высший маг Мечислав? Ты?» Но в ответ только ветер прошелестел по кустам. На мгновение показалось...

Глава 3

... что кто-то следит за ним из густой зелени семицветным взором. И под прицелом этих страшных глаз так неудобно, так тягостно. Жжет руки пролитая кровь, разъедает кожу, словно кипящая смола обжигает, калит.

Якуб опасно опустил глаза на свои ладони и вскрикнул: так и есть! Кровь! Кровь! Все руки ею перемазаны!

Он принялся тереть их о рубаху, но ничего не помогало. Якуб на нетвердых ногах подошел к двери, крикнул:

– Ядзя, воды дай! – и тотчас застонал, вспомнив, что уж нет ее в Бялом. Давно нет, к сестрице сам отослал. А всего-то и вины на ней было, что добрая, как телка: губы теплые, ресницы длинные, ко всякому идет. Сам прогнал, а была бы сейчас рядом Ядвига, может, и пришли бы на глупый бабий язык слова, что утишили бы больную совесть, заплатали проеденное виной, как мышами старая одежда, сердце княжича.

– Иларий!

Якуб выглянул за угол. Прыснула прочь какая-то девка. Да и что с нее взять, уж верно, все знают, что обезумел наследник. Такую весть не утаить, как ни крутится Иларий. Вот кто верный друг. Да только как назло нет его рядом, когда нужен.

Якуб схватил рушник с пустого умывальника и, растирая им до красноты руки, побежал по переходам, крича слабым, слезливым голосом:

– Иларий! Иларий!

Занят был манус. Какая-то горожаночка, чернявая, одернула подол, залилась румянцем да так зыркнула из-под собольих бровей, что Якуб отступил за дверь и попросил прощения, что помешал.

– Подожди меня тут, Кася, – сказал манус. И хоть ласково сказал, а стало ясно княжичу, что в досаду Иларию гостя. Только плевать Якубу было и на Илажку, и на баб его – руки, кровавые руки как отмыть?

Иларий взял его перемазанные кровью ладони в свои, и тотчас по сильным пальцам мануса потекли, роясь, верткими змейками ручейки силы. Якуб хрипло ахнул, увидев, что руки его чисты, нет на них ни единого пятнышка, только кожа местами красноватая, полотенцем натерта.

– В землю кровь ушла, Кубусь, – проговорил манус ласково, точь-в-точь как своей любовнице.

– Была, Иларий. Кровь. С пальцев на пол капала... – попытался оправдать свой страх Якуб, но манус только горько покачал головой.

– Чья она? Может, то Земля мне пророчит, что смерть по мою душу уж из терема небесного вышла?

– Нет, Якубек. Привиделось тебе. Спал плохо, вот и пригрезилось. Зря ты поднялся. Отдохнуть тебе надобно. Последние гости вот-вот на двор, а ты бледнее Безносой, трясешься как осиновый лист. Сон это был или спросонья померещилось, да только нет у тебя на руках крови. Землицей клянусь. Послезавтра выйдет князю – пухом Землица ему – двадцать один день, трижды седьмой. Поправиться тебе нужно, Якубек, и к камню родовому на твердых ногах выйти. И пролить кровь без страха, а когда камень засветится и все князем тебя признают...

– Пролить кровь, – тихо повторил Якуб. Глаза его невидяще остановились на чем-то за спиной Илария. Уголки губ поползли вверх, зубы обнажились в жутковатой улыбке. – Уж я пролил, Илажка! Тебе ли не знать! Кровь – на полу, на лавке. Всюду кровь. Или ты не видишь, как она по стенам течет? Ослеп ты, что ли, Иларий?

Якуб выдернул руки из ладоней Илария, блуждая диким взглядом по стенам и потолку, покачнулся, ухватившись за плечо мануса.

– Я убил! Я пролил! Проклятый!

Иларий подскочил к нему и зажал княжичу рот рукой. Не хватало еще, чтобы Катаржина услышала. Баба что сорока: подхватила и понесла, с хвоста растрясла. А нынче такого допустить нельзя – у ворот князя окрестных уделов, жадная свора, что ждет не дождется вцепиться когтями и клыками в осиротевшее без Казимежа Бялое.

Белые искорки с ладони мануса заскользили под платок, протиснулись между сжатых губ безумца, впились колдовскими ледяными иголочками в небо. Якуб затих, обмякнув. Иларий подхватил его, как ребенка, на руки. Отнес в покои, уложил на постели. Деловито разжал зубы ложкой и влил настой из трав в горло. И только потом позволил смертельному страху проникнуть в сердце, заставив ноги подкоситься. На ладонях проступили белые и сизые шрамы.

«Неужто всю жизнь мне теперь вот так маяться? – спросил себя манус, с виноватой ненавистью глядя на Якуба, мерно дышавшего под действием колдовского сна и навеянного травами покоя. – Долго ли я его удержу?»

– Он это? Князь Чернский, – прошептала испуганно, выглянув из-за двери, Катаржина. – Он наследника с ума сводит. Говорят, он незримый везде ходить может, мысли читает...

Иларий схватил дуру за косу, втащил за порог и прикрыл дверь.

– Ты что брешешь, Каська? Какого ветра бабий нос суешь не в свое дело? Ни ума, ни силы, а рассуждать обо всем хочешь? Ни при чем тут князь, и не зови его – услышит, явится, передавит тебе горло, станет пытаться, так ни я, ни кто другой не поможет. Заболел наследник. Очень отца любил. Ты вот мужа не любила, а седмицу выла, так что с него спросить? Мать и сестра сама знаешь у кого в руках, отца схоронили – каково ему?

Катаржина, смотревшая на Илария со страхом и обидой, перевела взгляд на княжича. Видно было: пожалела. Задрожала губой, на глазах заблестели слезы. Бабы завсегда до слез коротки.

– Ты говорил, скоро князя на двор будут. А Чернец? Приедет Владислав Чернский? – торопливо заговорила она.

– Кто ж его ведает, – мрачно проговорил Иларий. – Верно приедет. Удостовериться, что земля Якуба приняла, князя своего в нем признала.

– Помоги мне ему за мужа отомстить, – зашептала Каська жарко. – За Юрека и за тебя. Ты правду сказал: слабая я, глупая. Но и слабому Землица в правом деле помогает. Я...

– Помолчи! – рыкнул Иларий. – Верно хочешь накликать Чернца. Какая месть тебе, баба-дура?

Катаржина с трясущимися губами отступила на шаг, но не сдалась, сжала кулачки, глянула из-под белого покатого лба, из-под черных бровей.

– Как ты можешь так, Иларий? Он руки твои изжег, а ты мести не хочешь. Нешто тебя та ведьма лесная в бабу оборотила...

Не успела Катаржина заслониться. Иларий ударил ее – щедро, от сердца, так что Каська стукнулась о стену плечом. Горячо стало в ладони, словно не хлестал он по лицу дуру Катаржину, а гладил исчезнувшую в лесах лекарку. Горечью рот наполнился, гнев завесил глаза алой пеленой. Замахнулся снова.

– Не хочешь, так и не надобно, – взвизгнула Катаржина по-птичьи. Тварь небова, ветров голос. – Не любишь? Думаешь, так ты мне сдался? Сама управлюсь! Сама! Не стало Юрека – и нету у меня больше никого. А я-то...

Закусив губу, Каська бросилась прочь. Может, думала, последует за ней Иларий. Только он и не двинулся – остался стоять в полутьме коридора, сжимая и разжимая кулаки. Ладони, оплетенные шрамами, бледно светились, словно хотелось манусу...

Глава 4

...ударить со всей мочи. Вколотить в землю, в кровавую жижу растереть плоть и кости. Эта жажда крови приходит быстрее мысли об опасности. Просто оживает где-то в глубине человека зверь, который хочет выжить. И не другого человека видит перед собой, а опасность, беду. Оттого и бросается, оттого и грызет люто, не чувствуя боли, не зная удержу.

– Не подвезешь ли, братец? – Из лесу вышли четверо. Крепкие, жилистые, с косматыми бородами. Для горожан слишком широки в плечах, для селян – во взглядах дерзки.

Возчик сжался на козлах, верно, и сам не знал, где дружки его засели. Скрутили его быстро, хоть и опомнился, и кулаками махал. Скрутили, несмотря на то, что пес рвал всех люто. Пса успокоили обухом – он повалился на траву мешком и затих. Возчика опутали веревками, сковали железными скобами по рукам и ногам. Верно, запомнили, что магии в нем нет и железо на него не действует.

С возницей кончено было дело в мгновение, а вот с седоками его разбойникам нелегко приходилось.

Мелькнул несколько раз в руках закрайца костяной нож – и уж лежали смельчаки под копытами лошадки, у тележных колес. Лошадей Игор удержал – ни к чему сейчас, чтобы понесли со страху. Шепнул слово лошадиное, закрайское. Из лесу уж друзья смельчаков подошли – повывлезли. Заблестели клинки, пики, топоры.

Князь Владислав магию в ход пускать тоже не торопился. Крикнув: «Игор, поддержи-ка их поодаль», остановился посередине дороги, по щиколотку в золотой теплой пыли. Вперил взгляд в лес. Словно знал – там, за сплетением веток, за мешаниной листьев, засел враг. Не та мошकारа, что лезет, глаза застит, а жалить толку нет. Овод засел, кровопивец лютый, неотвязный. Его и искал князь.

Синий плащ Игор взметнулся широким крылом, слетая наземь. Под плащом не горб – дикий лук чудной формы. Закрайский лук, резной, серебряной нитью то здесь, то там перекрученный. Небова оружие, проклятое. Однако ж для чего лучнику он без единой стрелы?

Игор выставил перед собой свое оружие, взявшись за него двумя руками. И тотчас побежали, заструились по дереву, по серебряным нитям белые змейки силы.

Закраец ударил – но не по нападавшим, в землю. Кому охота отповедь получить? Трава обледенела тотчас, превратившись в ряд острых белых игл, которые принялись расти, ветвась, превращаясь в искристый ледяной щит, отгородивший князя и закрайца от нападавших.

От магии чужой защищал он, верно, хорошо, да только не маги вышли на бой – мертвяки, Землицей от рождения обойденные. Не устояла сила Земли против железного меча, топора, ножа. Затрещала броня, с хрустом полопалась, отступая от проклятого небова металла.

Закраец вцепился в лук, продолжая гнать по нему змейками силу. Лицо его было страшно. Понял Игор, что бить нужно насмерть – приготовился за чужую смерть заплатить своей.

Но перед тем как слетел с лука в его руках ком белоснежной губительной магии, задержался в своих путях на возу бородач, повалился, заелозил. Дотянулся до Игор.

В глазах закрайца отразилось изумление. Сила, всегда кроткая и послушная, взбрыкнула, затанцевала, не слушаясь узды. Рванула с рук наземь и понеслась, играя. Мяла, рвала, поила кровью травы и песок.

Но не из робкого десятка оказались разбойнички. Много им пообещали за княжьего слугу – рвались вперед, перепрыгивая по телам товарищей, чтоб избежать страшного касания взбесившейся магии.

Игор попытался ударить еще раз силой, но один из нападавших достал его железным ножом – и белое пламя схлынуло, ушло в дерево и серебро, скрылось от проклятого металла.

Игор перекинул лук через плечо и бросился на разбойников, ловко орудуя парой костяных ножей. Не коротких, срединноземельских, а более длинных, чуть изогнутых и зазубренных.

Закрайские ножи и невероятная ловкость Игоря делали его почти неуязвимым.

– Хозяин! Владек! Держись за мной! – крикнул он, но ответа не получил. Владислава уже не было рядом. Он, невзирая на то, что поляна у дороги наполнилась разбойниками, рванул к лесу, что-то крича.

На него бросались как псы вооруженные проклятым железом лесные братья, но князь, будто отмахиваясь от мошкары, посылал в стороны смертельные заклятья. И хоть был он «тот самый Чернец, которого радуга боится», а отповедь получал сполна. Собственная сила возвращалась к нему, рая, по закону Земли. Левая рука князя уже висела плетью, он тяжело передвигал ноги, но словно одержимый двигался куда-то к лесу.

– Там! Бяла! – разобрал наконец Игорь крик хозяина. Последний нападавший рванулся к нему и захрипел, сложившись пополам. Закраец провернул костяной нож в ране врага, рванул с хрустом наружу.

Того, кто готовился напасть сзади, выдало лишь одно неосторожное движение. Едва различимое среди стонов раненых, проклятий, шума ветра, трепавшего листву над головами живых и павших. Другой не услышал бы – и уже лежал бы мертвым, но не Игорь.

Великан развернулся, встречая врага лицом к лицу. Ему хотелось посмотреть в глаза тому, кто решился напасть на сына Закрая со спины. Развернулся – и словно в воду глянул, в зеркальное озеро, в холодную воду полноводной Черны.

Разбойник был высок. Такие же, как у Игоря, длинные белые волосы рассыпались по плечам. Только ничего магического у него ни в руках, ни при себе не было – пара мечей из проклятого металла. Видно, надеялся он только на них.

Игор приготовился умереть.

Встретить в Срединных землях соплеменника он никак не ждал. А уж тем более не ожидал оказаться перед ним обессиленным. После касания проклятого металла больше суток уйдет на то, чтобы восстановить силу, почувствовать ее, выгнать знакомыми путями в лук. Игорь опустил ножи и, прикрыв глаза, склонил голову, готовый к последней минуте. Звать Владислава не стал. Это значило бы погубить хозяина. В погоне за кем-то в лесу князь не рассчитал и позволил себе удары слишком сильные, чтобы не получить крепкой отповеди. Сейчас его голыми руками можно взять. Но по закрайскому закону, если враг сдастся, победитель будет добр к тем, за кого он просит.

– Назовись, – потребовал хриплым голосом беловолосый разбойник.

– Игорь из Лло, прошу за Владислава, князя Чернского.

– Не много ли ты просишь, Игорь из Лло? – рассмеялся противник. Но глаза его настороженно обшаривали лесную чащу, где скрылся князь Черны. Видно, на такой улов разбойники не рассчитывали. Да и на такие потери тоже.

– Прошу за князя Владислава Радомировича, – повторил Игорь, не поднимая глаз.

– Хорошо. Я, Ивайло из Гуна, не стану причиной его смерти, – мрачно пообещал разбойник.

Игор успокоился. Если не верить клятве закрайца, то чему в мире можно верить? Над головой зашумел ветер, и в шелесте листьев почудился обоим великанам какой-то странный звук – словно бы крылья зашумели. Они оба вскинули головы – боевую выучку никуда не денешь. Хоть нет в лесах Срединных земель диких равнинных птиц, а если родился под небом Закрая – научишься вверх смотреть.

Синь была чиста, словно девичий взгляд. Опушенная вершинками елей, она смотрела Игору в душу, словно все еще надеялась удержать его на земле. Волосы упали с лица Игоря, Ивайло охнул едва слышно.

– Как, говоришь, зовут тебя? – спросил он глухо.

– Игор из Лло.

Закраец рухнул на колени как подкошенный. Ткнулся лбом в сапоги Игоря, обхватив руками пятки.

– Кланяюсь повелителю и властителю Лло и царства Закрайского, – прошептал он тихо, словно кто-то душил его. Ни один враг так не сдавит горло, как впитанные с молоком матери правила рода. Куда хочешь уезжай, а только небо вверху, земля под ногами, а царь закрайский свят, и кто на святое руку подымет – тому не видать Землицы. Живого ветер к себе приберет, радуга в слуги возьмет, оборотит в равнинную птицу и заставит до скончания веков падаль клевать.

– Молчи. Не царь я тебе, – прошипел Игор зло. – Нет больше у Закрая царей. Все мертвы.

– Говорили, прибрал тебя ветер, Игор Голямский, а только вижу я, что жив царь Закрая. – Чужак прижался губами к запыленному сапогу. – Служит царь князьку Чернскому.

Игор пнул со всей силы холопа в лицо. Тот покорно отвалился, потрогал разбитую губу.

– Я служил царству, да не выслужил ничего, кроме братнего ножа. А чужак меня полумертвым подобрал. Своей силой перенес в удел Чернский. Он с той поры – царство мое и весь Закрай.

– Вернись, господин мой царь Игор, топь треплет земли, бегут все... – Умоляющие слезливые ноты не вязались с грозным видом закрайца. Великан ползал на коленях у ног Игоря, и тот не чувствовал ничего, кроме досады. Нашло прошлое, нагнало. Напомнило о долге, которого не мог Игор отдать, не мог и не хотел.

– Придет время – ворочусь. И царской волей положу Закрай князю Чернскому под пяту. Только не хочет он нашего дикого удела. Владислав лекарство от топи нашел, и я бы дважды ему служил, да дальше уж некуда. Хочешь стать ему слугой?

– Твой я слуга по рождения, – оскалился закраец. – Делай, что должно со слугой, который на царя руку поднял.

Игор склонился и одним быстрым движением перерезал Ивайло горло. Едва успел отступить, чтоб хлынувшая из шеи мертвеца кровь не запачкала ему сапог.

Над ним в вершинах деревьев что-то вновь прошелестело и стихло вдали. Может, ветер забрал неприкаемую душу разбойника из Закрая, а может, просто птица спорхнула, испуганная криком.

– Видел ее?!

Игор обернулся и тотчас, забыв о мертвом соплеменнике, бросился к хозяину. Владислав выглядел обессиленным, но двигался уже увереннее, чем раньше. Он всегда быстро восстанавливался после отповеди, чем только подтверждал слухи о том, что ответ за боевую магию его, проклятого, не берет.

– Видел? – повторил он, приблизившись. На одежде князя то там, то здесь заметны были паутина, мелкие сухие листочки, хвоинки. От глубокой царапины на виске – смазанный след крови.

Игор покачал головой. Никакой «ее» он не видел – нападавшие были сплошь мужчинами.

– Была она здесь, – мрачно бросил князь. – Была. Иначе отчего сила как бешеная сорвалась и всех перемяла? Ты ведь палочник, Игор. Где видано, чтоб синий плащ ударил как боевой словник, да еще и не разжимая губ? Как она до тебя дотянулась?

Закраец только покачал головой.

– Кто?

– Да Бяла, – махнул князь. – Бяла где-то у этих разбойников прячется. Много лет не бывало, а тут на тебе. У меня под носом. В чернских лесах.

Князь снова обвел взглядом поляну, усеянную мертвецами, притихший без ветра лес. Словно ждал, что Бяла сама выйдет к нему. Но все было тихо. Только завозился под коле-

сами воза связанный бородач Славко. Его развязали. Тот, не говоря ни слова, бросился к псу. Собака, хоть и крепко битая, оказалась жива. Ее положили на воз, укрыв плащом.

– До дому? – наконец хрипло проговорил возчик.

– Не дождутся, – мрачно выговорил князь. – Знатную жатву собрал учитель Мечислав. Только кто бы чего ни хотел, а планы его мы поломали. Ни меня, ни кого-то из тех, кто мне дорог, нанявший этих ребят не получил. Значит, попробует с другой стороны зайти. С удела князя Казимежа. А значит, там мне надо быть. А что, Игор, может, махнем, как тогда, в Закрае твоём, по воздуху? Корзины нет, повозка потяжелей будет, да ничем не хуже.

Увидев, как расширились от ужаса глаза возницы, князь расхохотался.

– Видел бы ты, Славко, как эти дикари – уж прости, Игор, слова не выкинешь, как есть дикари – как они на нас смотрели...

Глава 5

Смотрели все по-разному. Иные так, словно в любой момент вцепиться в горло готовы. Другие – как на черную вошь, чужака, которому не место в степном Закрайском царстве. Всадники с лисьими хвостами и орлиными перьями на шлемах окружили их плотным кольцом.

– Сейчас ты царь Закрая. Ты свят. Но стоит горло тебе раскрыть – и станешь ты мертв, а я свят стану. Я стану царь!

Йордан ткнул в стоящего на коленях Игора костяным острием копья. Младший брат всегда был сильнее. Лихой был, дикий, истинный закраец. А Игор, хоть и наследник, чаще думал, прежде чем дело вершить. А это в Закрае удалю не считалось. Пока думаешь – головы и сам лишишься, и дружину положишь в степи. Твой удел – скачи, кричи, бейся.

За Йорданом многие пошли. Тех, кого мамка в детстве мало лупила – не втолковала, что царь закрайский свят по рождению. Решили: святой святого убьет, Землица разберется.

Чужак силой мысли отворотил острие копья, не позволив мальчишке-бунтарю ранить мальчишку-царя.

– Ты ведь не умирать к нам пришел? – спросил Йордан звонко. – Вот и иди своей дорогой. В селеньях много баб, кто расскажет тебе твои сказки. А тут боль делается, о которой потом не сказки, а песни сложат.

– Упаси меня Землица от вашего закрайского нытья! – крикнул с вызовом чужак. – Сам знаю, зачем пришел. Я в своей земле господин. Он здесь. Опустите копья и подите прочь. Он вас прощает. Прощаешь?

Чужак обратил перекошенное гневом лицо к Игору.

– Йордан... Лучше... – выдал тот, не в силах дышать. Переломанные ребра болели, разбитые губы опухли, не давали говорить.

– Чем же лучше, бунтарь?

– Сильней...

– А давай-ка поглядим...

Чужак не поднял рук, слова не вымолвил. Такой магии в Закрае не бывало отроду. В царстве все больше на камнях, на луках и бубнах силу крутили. Редко когда попадался тот, кто пальцами заклятья плетет. А тут взглядом одним ледяным опалил чужак. В его грозových глазах промелькнули едва приметные белые искорки. И рухнуло небо на Йордана, сшибло с коня, придавило к Земле-матери невидимой ладонью. Давило, давило, пока не полопалась кожа, не потекла из трещин алая кровь. Конники Йордана смотрели, словно замороженные, не единый не мог шелохнуться, чтобы помочь своему господину.

– Стой. Наше это дело! – крикнул Игор. – Не лезь!

– Ты не лезь, чучело патлатое! Отповедь накроет – не улетим.

Чужак схватил за руку Игора и, болезненно выдохнув, рванулся в сторону, к лесу, где темнела грудa тряпья.

– В корзинку прыгай! – закричал срединец. Со лба его катился пот – накрыло отповедью за Йордана.

Игор, пошатываясь, залез в опутанную ремнями и веревками корзинку – в такой бабы по двое носят на ручей мыть белье, а бывает ребятишек катают: по трое посадят и таскают, хохочут.

Но то ребятишки, а то двое взрослых мужчин.

Чужак прыгнул внутрь – едва уместившись рядом с Игором, свернувшимся в калач на дне корзины. Грозových глаза все еще полыхали белым пламенем.

Темные тряпки, что лежали справа от корзинки большой кучей, задвигались, расправляясь. Владислав медленно поднял руки над головой – и, повинаясь его жесту, ткань расправилась, превратившись в большой купол.

– Огонь умеешь? – спросил чужак.

– Лук... нужен...

К удивлению Игоря, странник снял со спины его родовый лук. Сунул в руки.

– Твори огонь. Здесь. – Чужак ткнул пальцем вверх. В паре локтей над его головой уже понемногу ткалось в воздухе слабенькое синее пламя. Чужаку явно не хватало сил одному разжечь его сильнее – он тратил силы, удерживая купол.

Игорь слабеющими пальцами пробежал по древку, заставляя белые змейки закружиться в хороводе, сплетаясь. Пламя над головой чужака вспыхнуло ярко. Купол поймал теплое дыхание магического огня и потянул корзинку вверх. Чужак присел на корточки – то ли вывалиться боялся, то ли опасался, что достанут с земли опомнившиеся конники. Стрелы летели им вслед, но ранили только воздух.

– Землица, спаси, твердь благословенная, обереги от тварей небесных, ветровых посланников, – забормотал Игорь, чувствуя, как земля уходит все дальше, остается внизу, оставив их с чужаком один на один с небом. Налети сейчас равнинные птицы или небовы демоны – конец им. Не у кого будет силы в долг попросить. Небо кругом, безжизненная пустошь небесная. И уж не знаешь, где ты, на каком свете.

Глава 6

Словно застрял между двумя – тем и этим. На губах еще вкус кровавый, а уж из ближнего окна щами тянет, копченой курой, домашней колбасой с травами.

Прошка открыл глаза, повел носом. Забурчал живот, словно он один был псом, а Прошка так, хвост да пара ушей.

Пес выполз из-под плаща, тяжело спрыгнул с подводы и, пошатываясь, но с каждым шагом ступая все крепче, обежал телегу, жадно принюхиваясь. Хозяйки и след простыл. Только здесь была. Пусть в чужой шкуре, да только под любой шкурой ее Прошка вынюхает. Поручил цветноглазый пес Проходимке рыжую барыньку, а Проха, вишь, не уберег, сам едва не преставился.

Куда завезли его на возу чужие люди?

«Знакомый двор, – подсказал желудок, потянул Прошку в сторону кухонного окна. – Нешто не признал? Батюшки Казимежа двор. И стряпухи, верно, помнят Проходимку-гончака. Угостят...»

Из окошка тянуло запеченными в горшке потрошками, подливкой на белых грибах, пирогом с печенью, с луком, со щавелем.

Проха тряхнул головой, отгоняя наваждение. Неуж ни на что-то ты, песий сын, не годен, кроме как в три горла жрать? Хозяйку не спас...

Да, слаб оказался. Только и надежды у него было, что на гордого человека. Черным казался он Прошке, страшным. Старый хозяин люто его боялся. А коричневым стал не так горд – голову опустил, собаку погладил, приласкал. Верно, не так гадок он, как полагал старый хозяин. Тот, кто к собаке добр, и к людям без повода зол не будет. Верно, защитил черный человек хозяйку. Иначе уж, верно, не бегал бы по двору гончак Проша, а гнал бы уже среди небесных псов над вершинами елей.

Хозяйка отыскалась скоро.

Бородатый возчик Славко лежал навзничь на лавке у стены кухни. Глаза его блуждали, грудь тяжело вздымалась.

– Далеко, – прохрипел он глухим басом. – Далеко уехали. Как могла сказать, что нельзя мне далеко? Проша. Проша... Страшно. Что будет? Не за себя боюсь. Как тот... дядька Славко... А если умрет? Как грех такой я отмолю? Гх... коней зачаровал. Летели, кнута не надо. Силища... какая. Коли признаюсь, бросит ли меня мыслью обратно?..

Прошка ткнулся носом в руку хозяйке. Рука была горячая, влажная. По лицу возчика катился градом пот.

Проха перепугался. Не зная, куда бежать, кого ловить, закрутился на месте. Возчик на лавке вскрикнул – и будто истаял. Словно и не было. Вот капля пота, что с его лба скатилась, вот трава примята, где сапог его стоял. А самого бородача нет. Нет хозяйки. Исчезла. Девалась куда-то.

Проха едва не завыл от страха.

Пес, белый пес с радужными глазами. Ну как явится сейчас по душу Прошки, спросит: «Исполнил ли ты, что я просил? Уберег ли барыню от беды?» Искать надобно. Не может такого быть, чтобы совсем исчез. Спрятался где-то. Запах-то вот он.

Проха сунулся в ближайшую дверь – ничем не пахнет. Только мышеединой да тряпками.

Он бросился вокруг дома, старательно отгоняя мысль о том, что, раз уж все равно бежать, не заглянуть ли на кухню проведать запеченные потрошки?

Во дворе толклись чужие холопы – мелькали на плащах магов из свитских гербы. Медведи, лоси, олени, куницы, кабаны. Особенно много было куниц. Словно не в гости, а в поход куницын князь собирался. Непутевый гончак рванул через двор под ногами людей и колесами

повозок, угодив аккуратно под сапоги выходявшему из возка князю с шитой золотом куницей на груди. Князь оступился, едва не повалился, бранясь. Его подхватили, помогли встать. Пахло от князя отчего-то бабой – мукой, мылом, заморским маслом.

– Пшел, скотина!

Прошку пнули, так что он, скуля, рванулся дальше. Забился под лавку, пережидая, пока поразбредутся гости. В такой толчее все бока обломают.

– Вот и Милош, – пробормотал кто-то, садясь на лавку, ставшую Прошке временным укрытием. Красные сафьяновые сапоги с широкими каблуками взволнованно притопывали по траве перед самым носом пса. Стоявшие рядом черные громадные сапожищи, пахнувшие конским навозом и дегтем, как остановились, так и не шелохнулись.

– Милош уж больно шуму много делает со своим приездом, – прогудел над головой Прохи тяжелый бас. Он его помнил. Дальнегатчинский князь. Медведь на груди – и сам медведь. Лапищи громадные, усами да бородой по самые глаза зарос.

– Любит он шум. А в нашем деле шуметь много – нехорошо.

– Думаешь, прав Тадек, батюшка? Надо на Чернца... – Голос обладателя красных сапог был Прошке не знаком. Не бывал в Бялом щеголь.

– Не зови погибель. Чернец уж прибыл. Видели его в княжеских покоях. Как у себя в дому расхаживает. Как подумаю, что мог Тадек все это получить, так гнев кипит. Обошел нас проклятый Владислав Радомирович. Казика Рыжего, Бяломястовского Лиса, обошел. Теперь и Элька за Чернцем. И Бялое за ним будет. Думаешь, что Милош так рвется – надеется, что калечного земля не признает. Тогда придется чернскому выродку везти сюда бяломястовну и на камень тащить. А ну как и она не дочка Казимежа, а его чернобровой ведьмы приبلуда.

– Зря ты, батюшка, на Эльку и Агату Бяломястовскую наговариваешь. Ведь Эльжбета тебе дочерью хотела быть, – вступился молодой голос.

Проха пошевелился, заметив, что в толпе на дворе уже видны просветы. Холопы разгрузили скарб – подарки новому князю, дары сватьям-братьям, наряды для бабенок, меха для мужей. Понемногу последние гости разбрелись по отведенным им покоям. Те, что гостили уже почти седмицу, из торопливых да охочих до гостеванья, сидели в тени, потягивая квас да попыхивая трубками.

– Хотела бы – не отправила бы Тадеуша домой, не вышла бы за Чернца, – отозвался глухо медвежий князь.

– Батюшка Войцех Лешкович, что ж это вы с княжичем здесь, среди черни? В покои пожалуйста, – проблеял рядом чей-то перепуганный голосок.

Большие черные сапоги сдвинулись в сторону – видно, их хозяин собрался подняться со скамьи. В просвет между широкими голенищами и увидел Прошка мелькнувший вдали коричневый плащ. Не иначе путники, что ехали с хозяйкой. Гордый человек и его громадина. На гордеца Проха зла не держал. Страшен тот был, когда старого хозяина пугал, а как вышел хозяин весь – так и гордый человек стал не страшен. А вот длинного и патлатого Прошка боялся. От него смертью пахло. Да только смерть смертью, а хозяйку надобно сыскать. А кому знать, куда она делась, как не человеку в коричневом плаще странника?

Прошка дернулся между черных сапог, да не рассчитал, как тяжел и осанист князь Войцех Дальнегатчинский – застрял меж ног-колонн.

– Ах ты паскуда, – замахнулся на невесть откуда взявшегося пса княжич Лешек.

Войцех заступил псу путь и сгреб широкой рукой за загривок, удержал.

– Ваш пес? – спросил он резко у слуги: суетливого плешивого парня с бегающими глазками. Прошка помнил его – вредный был хлопчик, частенько норовил окатить Прошку водой, когда подавал князю умываться, а гончак по привычке отирался рядом с хозяином.

– Нет, не наш, – проблеял слуга.

– Значит, шпионишь для Чернца? Говорят, он, высший-то маг, ловко в голове у живности читает. Лешек, дай-ко нож...

Проха задергался, но князь держал крепко. Невдалеке под колесами отъезжающих со двора опустевших телег заметил Прошка белую лохматую шкуру, блеснули радужные глаза.

«За мной пришел», – решил Прошка и жалобно заскулил. Умирать ох как не хотелось. Есть хотелось. Потрошков, поросячью ножку – обжигающе-масляную, когда свинку только сняли с вертела и, нарубив крупными кусками, разложили на блюда – обносить гостей. И тут верткое копытце раз – и соскользнет с блюда в широкую пасть верного гончака Прошки.

Из кухни и правда потянуло жареным мясом. Мясной дух вырвался облаком из двери вслед за человеком в длинном черном плаще, расшитом княжескими лисами.

– Ила-а-а-а-рий! – заголосил Проходимка что было сил. – У-у-у-у!

Войцех пнул пса, чтоб не вертелся. Но манус уже заметил возню.

– Проходимец! – радостно воскликнул он, быстрым шагом подходя ближе. – Где пропал? Спасибо, что пса нашего отыскали, Войцех Лешкович. Неуж до Дальней Гати добрался? Вот уж не думал, что так далеко ушел.

Войцех ловко спрятал нож в сапог, но все еще крепко держал собаку за загривок. Прошка заскулил жалобно, кося на Илария темным глазом.

– Любимец покойного князя, – улыбнулся Иларий. – Что ж вы сами-то его держите?

Иларий кивнул слуге, который теперь сгорал от стыда и унижения, бормоча, что «не признал княжеского любимца, уж давненько пропал». Плешивый брехун накинул на шею Прошке веревку. Только после этого Войцех разжал железные пальцы.

Проха не стал дожидаться особого приглашения. Человек в коричневом плаще не должен был далеко уйти. Если догнать, можно выведать, где хозяйка. Белый пес уж тут крутится. Видно, дело ему тут, а все знают, каково дело у Безносой. Душу пришла забрать. И пусть забирает, да только не Прошкину. Проха хозяйку отыщет.

Пес рванулся в сторону с оглушительным лаем. Слуга прынул в другую и, разъехавшись на свежем навозе, свалился, угодив задом в кучу конских яблок. Иларий расхохотался. Мгновение спустя к нему присоединились и медвежий князь с сыном.

– Я поймаю, – пообещал Иларий, двинувшись за сбежавшим негодником.

– Верно ли, ваш пес? – переспросил Войцех хмуро.

– Верно. Большой любитель под лавками прятаться. Сколько раз от князя Казимежа получал за свою привычку, а все лезет. Напугал вас Проходимец?

– Меня? – тут уж Войцех расхохотался в полный голос. – Меня – вашей паршивой брехливой шубой?

Иларий понял, что сказал лишнего. Поклонился до земли, прося прощения, каясь, что в словах неловок. Войцех простил, и манус быстрым шагом двинулся вслед за собакой.

Прошка бежал. Уворачиваясь от лошадиных копыт, он вился вокруг дома, думая, как попасть внутрь. Запах гордого человека обрывался у двери. Значит, в терем вошел, не иначе.

Наконец какая-то служанка выглянула во двор, и Проходимка шустро юркнул ей под ноги, едва не сбив девку с ног.

– Фу ты, кобель лохматый, – охнула та. Оглядевшись, позвала: – Госпожа Катаржина! Народу много.

Каська, закутанная в платок, мелкими шажками пересекла двор, зыркнула на девку грозно.

– Пусти, а уж там я сама.

Прошка рванул вперед. Всюду были люди. Сновали девки и парни с блюдами, кувшинами, ворохами свежего хрустящего белья. Белье плыло в сторону кухни, откуда манили к себе жареный кабанчик и запеченные потрошки. Проха пристроился под грудой белья и, семена

пыльными лапами, двинулся с девками. Те хоть и делали вид, что спешат, а сильно не торопились.

– В котором часу на камень-то поведут? – зашептала одна из служанок, краснощекая, с толстой косой почти до пят. Проха видел ее из-под белья.

– За обед, верно. Неуж на голодную пойдут, – ответила другая и дернула на ходу ногой. Решила, какое-то из полотенец упало и по полу волочится. Прошка обиженно подобрал хвост.

– А может, пойдут до обеда, а потом уж и за пир, – вмешалась третья, остроносая. Носатые, они всегда деловые. – Нешто молодому хозяину кусок в горло полезет, когда не знаешь, примет ли тебя за князя родная-то земля...

– Эх, – расстроилась толстушка. – Если скоро пойдут, так не сбегаешь поглядеть-то. Меня с кухни не отпустят. А хоть бы глазком. Я бы мышкой.

«Уж больно ты для мышки-то мордаста, – заключил Проха. – Вот от кого можно бы урвать». Вспомнился паскудник Юрек, что клеветал на Илария. Если б рвал девок Иларий, так не разожрали бы такие хари.

Девка с бельем снова дернула ногой, отбросив в сторону песий хвост. А потом и вовсе наступила на него. И уж тут он не смог удержаться – развернулся да со всей мочи тяпнул девку повыше щиколотки.

Белье, как было ворохом, полетело на пол. Девки заголосили в три глотки – одна от боли, две с перепугу. Проха запутался в рушниках, метнулся прочь по коридору. Кто-то кричал, его пытались остановить или хоть пнуть вдогонку, но повезло не всем. Пару раз Прошка получил под зад, но слегка, не до обидного.

Он бросился прочь по коридорам, припоминая расположение комнат. Сунулся в первую приоткрытую дверь. За ней было непривычно тихо. Прошка заметался по углам, ища укрытия, но остановился и заколотил хвостом по полу.

– Проша, – тихо проговорил княжич, протягивая к его большой голове бледную руку. – Все ждал гонца, а не думал, что тебя батюшка пришлет. Думал, гневается он на меня.

Проходимец сунулся под руку Якубу. Княжич казался тяжело больным, в лице не было ни кровинки. Бледные губы едва шевелились, только глаза лихорадочно сверкали из-под белого платка.

– Значит, верное дело я задумал, а, Проша?

Княжич снял со стены тяжелое зеркало в резной раме. В глубине заморского чуда Проха увидел еще одну собаку – грязного крупного пса, вывалившего от любопытства язык на сторону. Почти как он сам. Княжич тем временем приладил ко крюку, на котором висело зеркало, веревочную петлю, накиннул ее себе на шею.

– Передай батюшке, что не могу я с этим жить, Проша. Как, если всякий раз вижу, что руки в крови?

Казалось, хочет княжич отдохнуть, оттого на пол и сел, но до пола отчего-то не достал – повис у стены в ладони от пола. Смирно повис, как зимняя одежда в чулане до заморозков. Только руки пару раз вздрогнули. Бледное лицо его сделалось страшно. Синее, оно словно налилось сливовым, язык вывалился изо рта большим сизым слизнем.

Проха заскулил, прыгая возле молодого хозяина. Собака в зеркале отчего-то не стала суетиться. Глядя на Проху радужными глазами, она несколько раз коротко рыкнула: иди, мол. Моя добыча. Но ошалевший от страха Проха вместо того, чтобы выбежать прочь, начал рвать зубами веревку. Та наконец соскочила с крючка, и тело наследника Бялого мешком повалилось на пол.

«Люди! Лю-у-у-у-ди!» – заголосил Проха, заблажил, выскочив за дверь. Но в коридорах словно ветром проклятым всех выдуло. Видно, все хотели поглядеть на то, как наследника земля примет. Только смотреть, может статья, уж и не на кого.

Прошка рванул наугад и, не успев затормозить на повороте, крепко впечатался боком в стену, а потом и в другую. «Лю-у-у-ди!»

– Ну что ты скулишь, рыскун. – Владислав прижал к ноге ударившегося с разбегу о его бедро пса. – Что стряслось?

Проха глянул на гордого человека глазами бешеной лисицы. Ну как ему объяснишь, что там Якуб Бяломястовский погибает? Может, и погиб уже, душа к Землице отлетела.

Влад Чернский положил руки на голову пса.

– А ну-ка гляди мне в глаза, друг, – сказал он мягко. Глаза у князя были серые, как небо грозное, глубокие. И в их серой глубине словно бы ветер носил облака. Проха почувствовал, как тяжелеют лапы, а из головы в голову человека в коричневом плаще словно бы тянется хрупкая ниточка.

– Будь ты проклят, Владислав Чернский! За мужа моего, палочника Юрека, за руки Илария, за князя Казимежа! – резкий женский голос разметал тишину.

Владислав успел разорвать связь с псом и заслониться рукавом и плащом от заговоренной воды. Руки у Катаржины дрожали, часть колдовского зелья пролилась на стену и на пол. Пара капель попала и на Прошку, и тот заскулил, бросаясь зализывать язвы, выжженные ими на коже. В воздухе запахло паленой шерстью.

Князь скоро скинул плащ, который мгновенно истлел под его ногами. Но самого Чернца заговоренка не взяла. Струйки стекали по его выбритой голове, по высоким злым скулам.

– Игор! – крикнул Владислав громко. – Ведьма здесь!

И уже тихо замершей в недоумении Каське добавил вполголоса:

– Знал, небова служанка, что не усидишь ты в своих Вечорках. Хоть и думал на другую. Я запретную магию знаю и издали учую. Знал, что придешь, попытаешься меня самого взять. А теперь я тебя возьму.

Каська взвизгнула и рванулась прочь. Князь почти успел ухватить ее за подол отороченной мехом душегреи, но под ноги подкатился Проха, отчаянно слизывавший с шерсти подарок жрицы Неба.

Князь обругал пса, да так, что Проха, уж на что был отходчив, хотел даже кусануть бранливого мага. Но тот убежал. Ниточка, что успел он создать между своим умом и песьим, поблекла, растаяла в воздухе. Но не мог так просто пес отступить. Прытки двуногие кобели за юбками бегать, да только Прошка не отстанет, пока гордый человек не отведет его к хозяйке, а пес его – к умирающему наследнику Бялого мяста.

Великан словно сквозь стены слышал. Когда Каська, а за ней и князь, и путавшийся у него под ногами пес выскочили на задний двор, Игор уже стоял там, широко расставив руки. Некуда бежать бабе.

– Да что ж это делается?! – заголосила Катаржина отчаянно. – Средь белого дня честную горожанку Бялого чужие люди убивают!

Расчет ее оказался верен. От хозяйственных построек уже бежали слуги, горожане, что пришли посмотреть на обряд, да не знали где и бродили вокруг княжеского терема, пользуясь общей кутерьмой. Каська завалилась на землю, громко причитая. Пока разберут, что перед ними князь Черны, она успеет убежать.

– Честную горожанку? Значит, честные горожане Бялого поклоняются небу и его тварям? Давно ли? – прошипел Владислав, склоняясь над Катаржиной, но держа руки сложенными за спиной. Словно он просто погулять вышел, заметил на земле интересное и теперь только разглядывал. Но спокойствие и самого Чернца, и великана его было обманчивым. Видел Прошка – стоит Каське дернуться, и бледная рука с длинными пальцами молниеносно окажется у нее на горле.

– Землица-заступница... – прошептала Каська, вжимаясь в стену, шаря руками по траве – коснуться сырой земли, попросить силы.

– Заступница? Думаешь, станет помогать она жрице небовой?

– Я?! – Катаржина задохнулась от страха, когда поняла, за кого принял ее из-за ее же собственной глупости князь.

Она вцепилась одной рукой в бледные пальцы князя, давившие ей шею, скорчилась под стеной, озираясь, ища, у кого бы попросить защиты. Иларий вышел на шум, но, приметив, кто вызвал гнев Чернца, отпрянул, скрывшись в дверях. Однако Каська заметила его.

– Иларий! Скажи, что я не ведьма! Что честно всю жизнь Землице молюсь! – запричитала она.

Владислав оглянулся, ища человека, за какую-то обиду которого едва не поплатился жизнью, убрал руку с бабьего горла. Каська подалась в сторону двери, в которой исчез маг. Хотела отползти. Но Чернец заступил ей дорогу.

«Иларий! – вспыхнуло в голове у Прохи. – Уж он-то поймет меня. Иларий всегда к собакам внимательный. А что в тот раз на дороге – так с лошади, верно, не приметил».

Проха рванулся к двери, бесстрашно кинувшись под ноги великану Игору. Заметил, как тот тербит тесемки плаща, готовый в любой момент рвануть его с плеча.

Прошка был уверен, что Иларий ушел, поэтому, не сбавляя хода, рванул в двери и едва не сбил мага с ног. Пес запрыгал, пытаясь ухватить мануса за рукав, но тот только отмахнулся, а когда Прошка потянул за край плаща, не глядя, пнул собаку, сдавленным шепотом приказав проваливать. По бледным пальцам мага струились, перебежали, свиваясь в спирали и кольца, белые струйки силы.

– Эй, кто тут из вас Иларий? – крикнул со двора гордый человек. – Ведьма говорит, ты за нее вступишься. Она имя твое произнесла, когда заговоренной дождевой водой на меня плеснула. А ведь будь я послабей, убила бы.

Проха зарычал, пытаясь прикусить напряженного мануса за штанину. Прихватить, заставить пойти с собой. Манус развернулся и стряхнул белые змейки с длинных пальцев прямо в песью морду. Проха почувствовал, как слабеют лапы, а в рот словно патоки налили – слиплись зубы, не рыкнуть, не куснуть. Иларий поднял ладонь и сплел пальцы вновь.

Проха понял, что надо бежать. На дрожащих лапах сделала пару шагов к двери и рухнул широкой головой поперек порога. Услышал, как хрустнули зубы.

«Ну, ты пожалеешь у меня, Илажка, – подумал он сердито. – Я-то тебя... А ты-то меня... Прав был Юрек, хоть и дурной человек, а прав. Верно, и у Немирки ты рвал, и у Каськи. Вон она как блажит, валяется...»

Не дождавшись отклика Илария, Владислав склонился над ревушей в три ручья Каськой. Черная коса ее, выбившись из-под платка, растрепалась, на бледном лице атели полные опухшие губы.

– Не признается твой защитник, не отзывается. Видно, и ему ты не нужна. А ведь за него ты меня убить хотела. Жалеешь?

– Нет! – Каська задрала подбородок, прошипела тихо, шаря рукой по земле. – Думаешь, можно людей губить и ответу не ведать? Не ведьма я, зато ведьму знаю. Выпросила у нее Землицы ради средство за мужа убитого отомстить. Жаль не сказала, что для тебя, проклятого душегуба. Может, посильнее бы она мне что дала...

– Знаешь ведьму? – Владислав склонился к ней, ухватил за косу, поволол по земле. – Игор, возьми. Отведи куда-нибудь, где зевак поменьше. Нам с этой... честной горожанкой потолковать надо бы.

– Нет! Не надо! Люди добрые, что же... – захлебнулась слезами Каська. От смелости ее не осталось и следа.

– Имя ведьмы? – глухо проговорил Влад. – Все одно узнаю.

Он пристально посмотрел в глаза Катаржине. И от этого взгляда та начала словно бы оседать, перестала цепляться за траву, моргнула, словно внезапно почувствовала сильную сонливость. Моргнула раз, другой.

– Ворожит-то как лихо, – громким шепотом заметил кто-то в толпе зевак с невольным восхищением. – И руки не подымет. Вот силища.

– На то и высший маг. Думаешь, он только на свадьбе деньги тебе за щеку совать годен? – фыркнул кто-то в ответ.

Каська услышала. Встрепенулась, с видимым усилием борясь с подступающим сном. Вновь вцепилась в траву, вонзила розовые ногти в землю.

– Землица-магушка, женская заступница, помоги рабе твоей, – прошептала она медлительно, но с таким страданием, что не оставалось сомнений – борется простенькая колдунья с заклятьем высшего мага и сил не хватает даже на малое. Вот и решила помощи последней просить. – Отведи злых делателей, помоги, смилуйся.

Руки Катаржины слабо засветились зеленоватым.

– Смотри-ка ты, и правда правоверная, как есть Землица свята, – улыбнулся князь. – Знатно тебе голову ведьма небова задурила, что ты на убийство пошла. Ну да ничего. Ты только дай мне лицо ее в твоей памяти увидеть, а уж мы ее с Игором отыщем и...

Он не успел договорить. Катаржина подняла светящуюся руку, провела ладонью по лицу – и словно бы лопнули невидимые нити, связывавшие ее. Сонливость исчезла, Катаржина вскочила на ноги и бросилась в толпу. Зеваки отхлынули от нее в стороны, словно от прокаженной. Кому охота оказаться на пути у боевого колдовства высшего мага? Да еще и, сказывают, отповедь его не берет.

Но маг не ударил. Только коротко кивнул своему великану. Тот в несколько широких прыжков, только плащ плеснул, словно крыло, оказался рядом с беглянкой.

Она бросилась назад, заметалась.

Хлопок был таким оглушительным, что бабы попадали, голоса от испуга, а мужчины зажали уши руками. Несколько голосов закричали одновременно.

Проха видел, как мертворожденные из прислуги кинулись врассыпную, а маги остались. И бежать бы им, да как. Небольшое, но яркое, блестящее как глаз змеи радужное око распахнулось посередине двора и, зацепив всех разом, потянуло к себе. Игор был посильнее, и то упал на землю. Попытался ползти прочь, но око держало крепко, тянуло к себе, тащило. Каська с криком покатила по траве в сторону семицветной смертельной ловушки. Крик в одно мгновение иссяк – скрутило невыносимой болью горло, только ворочался в открытом рту, извивался язык. Проха в бессилии заскулил. Не сотвори с ним манус такого паскудства, он бросился бы на выручку и, верно, сумел бы помочь. Не должно живое существо так мучиться.

Не выдержал зова и Иларий, хоть и стоял далеко, и впрямую око его не видело. Он переступил через неподвижного пса и шагнул во двор, словно кто тащил его за грудки. Уцепился изо всех сил за притолоку и пристенок руками.

Высший маг ударил в разноцветное око со всей силы. Оно мигнуло и словно бы чуть померкло, но видно было, что быстро второй раз Чернцу столько силы не скопить. Заметно стало, что и его затягивает в свою глубину око топи.

– Бейте! Кто-нибудь! Успеем ее спасти! – крикнул Владислав, опуская руки. Его тотчас рвануло вперед. Но маг даже не пытался сопротивляться. Он упал на траву и запустил руку в перекинутую через плечо суму.

Каська заходила в беззвучном крике. Ее локти и колени выломались под странным углом, позвоночник выгнулся словно древяно лука. Юбки набухали кровью.

Проха скосил глаза на Илария. Тот выпростал руку, приготовившись ударить, но вместо этого послал белые змейки себе под ноги. Сапоги мага затянуло льдом, но притяжение топи, видимо, немного ослабло. Иларий смог сделать шаг назад, за ним другой. По его лицу тек

пот. Он отступал медленно, подкармливая ноги магией. Проха уже не мог его видеть – только слышал, как шаги становятся все увереннее, все скорее.

Каську резко сложило пополам с ужасающим хрустом. Язык вывалился из ее рта, из глаз потекли кровавые слезы.

Великан Игор вцепился в какую-то жердину, что валялась на дворе, и медленно, с усилием, гнал по ней белые – нет, не змейки, на них не хватало силы, – снежинки-огоньки. Сбросил их в чрево топи. И в этот момент Чернец справился с сумкой, вытащил склянку и, размахнувшись, запустил в семицветный злой глаз.

Склянка разбилась о блестящую поверхность, и из того места, куда она попала, по выпуклому радужному зрачку смерти пошли трещины. Ветвась, они скоро достигли края, и око лопнуло, окатив осколками великана, князя, Катаржину и голову несчастного Прохи.

Он заскулил.

Великан ткнулся лбом в землю. Видно, дорого дался ему последний удар. Князь поднялся и на нетвердых ногах, осеняя себя земным знаком, приблизился к комку плоти, в котором уже трудно было узнать красавицу Катаржину. Казалось, не может в ней остаться жизни, однако она еще жила. Из разорванного криком рта спорхнул невесомый вздох-всхлип.

– Зря ты поверила отступнице от правой веры. Дуры бабы, все сердце им шепчет. А в сердце ума мало, кровь одна. Сердцем жить – дни в крови окончить. Тех, за кого ты хотела мне мстить, я не убивал. А двоих – даже имен никогда не слышал. Много на мне грехов, только эти – не мои. Но я тебе ошибку прощаю. Земля добра, верно, и она тебя простит.

Владислав опустил на колени перед хрипло всхлипывавшей грудой изломанных костей и теплого мяса, запустил руки в кровавое, нащупал подбородок Каськи и, захватив привычным движением, резко дернул. С хрустом переломилась шея. Последняя дрожь утихла, истерзанное топью тело словно бы осталось прежним, а только одного взгляда довольно было, чтобы понять – нет в нем больше живой души. Куда ушла – вниз, в благословенные чертоги Земли, или в небо, метаться над миром с ветрами, искупать грехи, – то не в человеческом разумении.

Проха съежился от страха, пытаясь шевельнуться. Получилось. Он поскреб все еще непослушными лапами доски пола, тяжело перевалился с бока на живот и пополз в глубь дома. От одной смерти к другой.

Глава 7

Темный дом пах скверно. Потом, гнилью, мочой. Окна в жилище возчика отродясь не было, дверь Агнешка, уходя, плотно затворила и заперла на засов, чтоб никто не зашел и не увидел призрачного хозяина, лежащего без дыхания на лавке, а у него в ногах – спящую крепким колдовским сном стряпуху Ханну. И теперь сама поплатилась за свою непредусмотрительность. Не думала, что седоком Борислава окажется сам Чернец и что знакомы они, оказывается. Хотела в Черне порассмотреть, новости послушать, узнать, далеко ли продвинулся в поисках вечеркинской ведьмы Чернец и что намерен делать. Бегала в прошлый раз собакой, так слишком сильно толкали, не прибили едва, вот и решила, что на грозного бородатого дядьку никто не замахнется.

Прогодала. Многие в Черне, видно, знают возчика. То девка Бяломястовской лебеди принялась просить, чтоб взял ее с собой. От беды, мол. И девка хорошая, незлая, сразу ее Агнешка вспомнила – русая коса до заду да язык по ветру. Видно, притащили ее в Черну из Бялого для госпожи, да не сильно жаловали. Только от беды на дядькиной кобыле не уедешь – это Агнешка знала на собственном хребте. Сиди, девка, за матушкой-княгиней и беду не кличь. Захочет, так везде найдет.

Вот и накликала. На трескотню свою приманила. Возьми и найми возницу, да не кто-нибудь, а Чернский князь со своим дикарем громадным. Признал старого слугу, милость решил проявить.

Да только милостью этой чуть Агнешку да бедолагу возчика не уморил. Не признаваться ж было, что нельзя ей надолго отлучаться от того, в чье тело она без спроса залезла. Дорого она за эту науку заплатила. Когда тащил через нее из земли Иларий назад свою потерянную магию, едва не умерла, из тела вышла и назад возвращаться не хотела. Проходимец-пес вернул.

Тогда так же было. Так, да не так. В тот первый раз в опасности была она одна. А тут – по глупости, из любопытства – хорошему человеку гибель принесла.

Агнешка поднялась на слабых, трясущихся руках. Подползла к лавке, приложила ухо к груди возчика. Жив! Стучает еще сердце – хоть и редко, и тихо, а все можно различить.

Водой окатить?

Агнешка поднялась, толкнула дверь. Вспомнила, что сама с той стороны заперла на засов. Кто ж знал, что вернется тело в дом, где душа спит? Что все двери колдовским путем минует?

Она прижалась к створке и едва успела отпрянуть, когда ударил в нее чей-то грубый кулак.

– Был он там, говоришь? – пророкотал кто-то гулким басом. – Подвел Ивайло и бойцов под колдовство Чернца?

– Был, – всхлипнул кто-то рядом. – Землицу поцелую, был! Хотели его спутать, как уговаривались, да он противиться стал. Не в полную силу, но словно и взаправду. А потом оказалось, не книжник это, а Чернец сам. А при нем дикарь его страшный.

– Значит, спутался наш дядька с Чернцем? – спросил первый голос громче. Еще раз грохнул по двери кулак.

Агнешка забилась в угол, закопавшись в какую-то старую одежду, которую стащила скопом с вешалки.

– Что стучишь-то? Дома его нет.

– А мы поглядим, что есть, – проговорил первый голос. Шаркнуло деревом по дереву, со скрипом отворилась дверь. Тотчас заохали, запричитали о колдовстве.

Полуживого возчика выволокли наружу, окатили водой. Слышно было, как он фыркает, приходя в себя, как ругается, что штаны изгадил, да пытается дознаться, кто его опоил.

Агнешка тряслась под одежами, чувствуя, как накатывает слабость и тошнота.

– Значит, не ты был в лесу?

Возчик, не переставая браниться, начал спрашивать, сколько ж вообще времени он спал. Когда ему сказали о гибели Ивайло от рук закрайца Игоря, Славко замолчал. Умолкли и те, кто был с ним.

– Ханна где? – наконец спросил он сурово.

– Кто?

– Стряпуха где?

– Здесь где-то, верно.

– Она меня опоила, – прорычал Славко. – Сбежала, не иначе.

Агнешка задохнулась. словно тисками сдавил горло страх.

Сама виновата. Не умела постоять в сторонке, тихо пожить. Снова бежать. Не станут лесные братья разбирать, что к чему да зачем – не на вилы, так на ножи поднимут. Она не маг, ей неважно, на какие: костяные или стальные. Подставил под гнев лесных братьев ее Чернский князь.

От мысли о Чернце страх, сжимавший сердце, отчего-то не усилил, а ослабил хватку. Вспомнилось лицо Чернца, трепещущие крылья носа и радостный огонь в глазах: «Почти нашел я управу на радуго». Следом за серыми глазами властителя Черны всплыло в памяти материнское лицо. Искаженное страданием, залитое кровавыми слезами.

«Если бы тогда, шесть лет назад, нашел ты управу на топь, княже! – подумала Агнешка горько. – В ножки тебе упала бы. Душу земную продала за твое снадобье! Лишь бы не приломала топь-матушку».

Сама Агнешка топи боялась куда меньше, чем злых лесных братьев за стеной. Что ей, от рождения магией не наделенной, может сделать радужное око? А вот обманутые друзья, что дали кров, работу, позволили хоть недолго побыть в безопасности, могут, и по праву. Переломленные ребра долгонько крестоцветом лечить, на помощь мага у Агнешки отродясь грошей не водилось. Да разве станет маг помогать какой-то деревенской мертвячке? Вот если бы и вправду была Агнешка гордой словницей Ханной, пошла бы в услужение к Чернцу. Хоть, говорят, и знается он с демонами небowymi, и душегуб, и кровопивец, а дело задумал такое великое, что помочь ему незасорно. Может, чью-то мать спасет снадобье Владислава Радомировича.

А раньше свою бы жизнь спасти...

Глава 8

О своей шкуре подумать впору. Волки за стеной грызутся от жадности да от страха. И всего-то промеж ними и бедной заблудшей душой – на три пальца дерева.

Иларий запустил руку в темные волосы, взъерошил. Перепутались черные, как смоль, локоны, и мысли перепутались, смешались. Не знал он, что делать, как быть.

Думал, если запереть Якуба, получится спасти его от беды. Радовался, что не сунулся наследник во двор, когда дуру Каську приломала топь. Удумала, поганица, на самого Чернца с каким-то бабьим снадобьем кинуться. Как жив был муж – так был и нелюб, и гадок, и неласков, и жаден, а как помер – так мстить за него побежала. И самого Илария едва под Влада Чернского не подвела.

Думал, легко ушел, хорошо. Топь глядела в глаза, а не приломала, Чернский Влад стоял рядом, а не признал своего гербового мага.

Уже решил Иларий, что все к добру складывается. Остается привести Якуба на Бяломястовский святой камень, пролить каплю крови – и не будет у мануса Илария бед, как у кошки на печи. Станет князем Якуб, будет манусу при нем вольготное житье. Все как по-масляному шло: у большого белого камня на поляне за городом собрались окрестные князья, княжичи или послы. Все так торопились место получше себе выгадать, чтобы видно было, как скоро отзовется камень предков на кровь Якуба Казимировича, что про то, как на самом княжеском дворе топь око распахнула, и не знал никто. Чернец и его великан смолчали. Даже виду не подали, что только что в смертельный бой вступили с радугой. Вступили и каким-то небовым колдовством победили. Но о том после подумать время будет...

Прошел Чернец и опустился на траву у камня. Словно не на священный обряд пришел, а на луг – глядеть, как девки на солнцеворот в салки бегают. Перед Владиславом расступились. Глаза от него отвели. Стали оглядываться, наследника смотрели.

– Кубусь где, Иларий? – вынырнул из толпы Тадеуш. Иларий даже удивился тому, как переменялся дальнегатчинец. Не юнец уже, а зрелый муж. Со своей бедой, со своей болью.

– Скоро будет, – пообещал он, думая, как улизнуть, пока другие не привязались с расспросами.

– Бойтся? – не отставал Тадек.

– Якуб? Чего?

– Того, что, топью приломанного, земля его не признает, – шепнул Тадеуш. – Иларий, отведи меня к нему.

– Вот еще, – фыркнул манус.

– Зря ты его от всех прячешь, Иларий. Будто не понимаете вы оба, что соседи на стороне Кубуса. Общими силами навалимся и уроним че...

Тадеуш огляделся опасливо. Поймал внимательный взгляд Чернского князя, потянул Илария с собой прочь от святого камня и благородных зевак.

– Скопом повалим Чернца. Эльжбета будет свободна. Перейдут и Черна, и Бялое к ее сыну. Всем счастье, Иларий. Князья только и ждут, чтобы Якуб их повел. Без него это что? Захват. Война. А с ним, сыном убиенного князя Казимежа, это дело святое.

Глаза Тадека горели диким блеском, на щеках пламенел румянец. Манус невольно подумал, не болен ли дальнегатчинец. Хватало ему последнее время одного болезного.

От мысли о Якубе подкатила дурнота. Иларий кое-как оторвался от навязчивого приятеля и едва не бегом кинулся обратно ко княжескому терему. Нужно было Якуба проводить, чтоб в дороге не стал дурить.

Пробежал по переходам. Распахнул дверь, не обратив внимания, что приоткрыта. Остолбенел.

Якуб Бяломястовский сидел на полу, нелепо свесив голову на плечо. Белоснежный платок с прорезьями для глаз съехал ниже, наполз на нос, глотал хозяина словно голавль. Из-под него виднелась сизая нижняя губа, с которой тянулась нитка слюны. И руки, лежащие безвольно вдоль тела княжича, тоже были сизые, страшные.

Иларий подхватил тело. Перерезал костяным ножом удавку. Положил княжича навзничь на пол, опустился рядом на колени, суетливо вынул из голенища маленькую глиняную бутылочку с травяным настоем, что оставила, уходя, в своем лесном домике лекарка Агнешка. Вылил остатки настоя на руки, растер. Снова склонился над покойником, шаря ладонями по телу – искал в нем жизни, хоть малую искру, хоть отзвук ее. Белые змейки с шустрых пальцев мануса ныряли в складки одежды, роились на губах Якуба и возвращались ни с чем.

Манус в отчаянии оттолкнул мертвеца, вскочил на ноги, не в силах сохранять спокойствие.

Шорох за окном был едва различим, но, напряженный как загнанный зверь перед прыжком, Иларий услышал. Рванулся к оконцу, глянул вниз, держа наготове опутанные белыми змейками силы руки.

– Я это, Илажи! – проговорили снизу. Под сиреневыми кустами говорящего видно не было, да голос Иларий легко узнал.

– Что ты под окно приволокся, господин Тадеуш? Что тебе наследник Бялого – девка, что ли?

– Не мог я через двери, – зашептал тот. – За мной великан чернский пошел. Следит. Верно, Владислав мысли мои зацепил.

Иларий похолодел. Даже выскочить не получится незамеченному, прыгнуть в седло да пятками Вржко поторопить. Догонят. Ведь теперь, после смерти Якуба, все это Владиславов удел! Его еще нерожденного сына!

– Думаешь, никто не признал тебя, пока ты под окнами лазил? – дрогнувшим голосом попытался отвадить прочь от окон дальнегатчинца манус. Можно было бы попытаться спрыгнуть. Не такая высота, чтоб ноги приломать, а боль терпеть княжьей магии обучены. Не вышло. Крепко в голову Тадеушу засела его мысль, не хотел он отступить.

– Дай с Якубом переговорить, Иларий! Землицей прошу! Мне поскорее уехать надо. Хочу до Эленьки добраться. Сказать ей, чтоб не плакала. Что все складывается, как уговорено.

– Вот и поезжай. В земной грех не вводи, – зашипел манус. Кто-то постучал в затворенную дверь, позвал тихо: «Батюшка Якуб, гости послали спросить, все ли ладно».

– Ладно все. Скоро будет наследник, – крикнул Иларий, отвернувшись от окна.

– Совсем плох? – тотчас всполошился Тадеуш. – Почему сам не ответил?

Иларий бросил взгляд на неподвижное тело на полу, на налившиеся мертвенной синева губы Якуба. На смерть, не угодную никому, неуместную, с которой остался он один на один. Как всегда был – без помощи, среди предателей. Должен ему дальнегатчинец – так теперь самое время долги отдать.

– Плох, говоришь? – рассердился он на неотвязного. – Полезай, сам гляди!

Манус рванул с постели смятое покрывало, бросил за окно, намотав конец на руку. Тадеуша долго упрашивать не надо было – ловко влез по стене, перевалился через подоконник, тяжело дыша. Да только увидел лежащего без движения Якуба – словно бы дышать и вовсе перестал.

– Вот так плох. Накинула совесть веревку, а я со всей этой кутерьмой снять не успел. Не вызвать его обратно. Пропало Бялое, господин Тадеуш. И тут уж никакие соседи не помогут.

Тадеуш словно бы разом сник. Плечи опустились, померкли глаза, еще недавно полные лихой радостной надежды. Не стал мертвеца тревожить – поверил более сильному магу на слово. Тихо подошел ко княжьей постели, опустился без сил на смятые простыни, уронил

голову в ладони и заплакал. Одна Земля ведает, о чем или о ком. О себе ли, об Эльжбете, обо всех ли скопом, кто теперь окажется под рукой душегуба-Влада.

Иларий сморгнул. На мгновение показалось – не Тадек сидит перед ним на постели, а мертвый Якуб, привычно вялый, ссутуленный, льет слезы по своему проклятому старику.

«И верно, – подсказал манусу тихо кто-то внутренний, тот, кому до жути охота была жить и неохота ходить под рукой Чернца на полном посмертном гербе, – ведь похожи они. Тадеуш и Якуб. И статью, и ростом, и волос похож. А что лицом не сходны, так Якубова лица уж сколько лет никто не видал. А кто видал, так боялся вглядываться».

– Ну-ка, подними голову, господин Тадеуш, – сказал манус холодно. – Мы-то с тобой не мертвецы еще.

– Да лучше бы я умер! Лучше б ты тогда на дороге меня не спасал!

В гневе Тадеуш почти превратился в себя прежнего. Этого Иларию и надобно было. С рассопливившимся, полубезумным Якубом нечего было и думать Бялое удержать. Тадек – дело другое. У него и дух покрепче, и совесть почище, и дело «святое»... Манус хмыкнул про себя, вспомнив недавние речи Тадеуша. Вот уж не назвал бы он сам Эльку-бяломястовну, княгиню Черны, святым делом, да только если это поможет самому живым остаться...

– Лучше бы умер, говоришь? – прошептал он, понимая, что сам в этот миг кажется безумным. – Не побоишься умереть, чтобы Якуб ожил?

– Как это? Иларий! Ты что такое говоришь?! Неужто ты с небовыми тварями связан? Силой их владеешь? Мертвого можешь вернуть, отдав небу жизнь живого, да так, чтобы и выглядел не гнилой куклой?

Тадеуш, побледнев, встал с постели и попятился к окну. Иларий снял с мертвого белый платок, встряхнул, расправляя да стараясь не глядеть на изуродованное топью лицо мертвеца.

– Сказок ты много в детстве слушал, господин Тадеуш. Не ведаю я небова колдовства. Но, говорят, меня Судьба любит. Видишь, сперва меня тебе послала, а потом тебя мне.

Вспомнилось, как ускакал он от Агнешки, оставил лесную чаровницу, что вернула ему живые руки. Оставил ради того, чтобы не свершилось над другим такое же зло, как совершили над ним самим. И с тех пор все бежит, бежит. Не дадут проклятые бяломястовичи спуску своему слуге. Беда за бедой, предательство за предательством. От воспоминания о травнице словно прибыла сила, почудилось, что ладони обжигает ледяным холодом, вот-вот инеем пальцы обметет.

Тадеуш вытянул руку вперед, другой шаря в сумке, пытался достать книгу. Иларий, усмехаясь, наступал. В руках, увитый белыми нитями силы мануса и от того еще белее ставший, трепетал платок с прорезьями. Манус выбросил руку в сторону дальнегатчинца. Белый, светящийся ком силы ударил Тадека в лицо, заставив замереть. Только глаза перебежали с мануса на мертвеца на полу и обратно, да плескался в них такой страх, что Иларий едва не расхохотался.

Манус приблизился к обездвиженному юноше, облепив ему лицо страшным платком. Завязал концы на затылке, расправил. Без усилия поднял с пола большое иноземное зеркало, чтоб дальнегатчинец смог себя увидеть. По тому, как расширил смертельный страх зрачки глаз Тадека, догадался, что понял Тадеуш манусову придумку.

Иларий медленно опустил зеркало, давая Тадеку привыкнуть к новому облику. Провел рукой от скрытой белым шелком макушки вниз, по лбу, по линии носа, коснулся подбородка.

– Толку-то, что похож, Иларий! – едва почувствовав, что может говорить, прохрипел дальнегатчинский книжник. – Кровь-то не переменишь? Не признает меня Землица!

Иларий взял со стола медную чашу для умывания, со звоном поставил на пол, поднял руку мертвого, полоснул по запястью костяным ножом и вытянул эту бездвижную холодеющую руку над тазом. Капля потекла по мраморной коже мертвеца, да так и не упала.

Бранясь, Иларий подхватил мертвого под руки.

– Лохань дай... наследник! – прорычал он. Еще не вполне оправившийся от смертельного страха и онемения Тадек толкнул чашку под ноги манусу. Тот сунул голову Якуба в таз и вывел ножом на горле мертвеца широкую и глубокую полосу. Натекло немного.

Манус отшвырнул тело, склонился над тем, что удалось собрать. Руки все еще светились, сила росла, подхлестнутая травами, а может, памятью.

– Княжича не оживим, да только тут всего и дела – пригоршня крови. Поживет час или около того.

Ловкие гибкие пальцы летали над чашей, темная густеющая кровь начала светлеть. Манус осторожно слил ее в опустевший глиняный кувшинчик от травяного настоя.

– А если не получится? Узнают меня? – дрожащим голосом забормотал Тадеуш.

– Только грозился Чернца убивать, а сейчас боишься чужой кровью на камень брызнуть? – скривил губы Иларий. – Значит, врал ты, что ради Эльжбеты готов и умереть?

Тадеуш насупился, ноздри его трепетали от гнева, в глазах появилось наконец живое выражение.

– Если камень не признает, подумают, что радужная топь всему виной, а может – что княгиня Агата не совсем честною женой была покойному Казимежу. Ни тебе, ни мне от того не будет беды. А вот если получится...

– А отец, брат? – Голос Тадека звучал еще неуверенно, но Иларий поклясться мог, что тот готов уже попробовать.

– Войцеху и Лешеку я глаза отведу. Ты же сказал им, что собираешься раньше уехать?

Тадеуш кивнул.

– Вот пусть и думают, что уехал. Уехал и сгинул.

– Как?..

Видно было, что совестно дальнегатчинцу так поступить с отцом и братом. Но упустить удачу Иларий не мог.

– Так, господин. Если признает земля... наследника, станет княжить в Бялом Якуб Казимирович, а Тадеуш из Дальней Гати умрет. Вот он на полу лежит, мертвый. Только одежда на нем отчего-то твоя, княжич. Снимай скорей и одевайся. Гости ждут. А мертвого... дальнегатчинца мы вечером снесем на берег, набьем пазухи камнями да в Бялу бросим. Уж там Землица за ним приглядит.

Глава 9

«Пусть идет все так, как Землице угодно. Как написано на роду, того не переправить. Человек предполагает. А Земля-матушка располагает», – и так и этак пыталась утешиться Ядвига, а сердце все не находило покоя. Господа словно бы о ней и вовсе забыли. Вернувшаяся нянька не отходила от Эльжбеты, а Ядзю то и дело шпыняла, заставляя без толку бегать из конца в конец княжеского огромного дома, а то и на рынок за каждой мелочью. Мимо Страстной-то стены! Скоро эту же манеру взяла и пришедшая ворожея Надзея, что изредка являлась в доме. Ядвига раз или два фыркнула на нее, так матушка Агата так бранилась, что Ядзя поняла – сама госпожа эту черную ведьму боится.

Кто такая Ядзя – господская девчонка, и она стала бояться. Так, что, кажется, и за великана закрайского пошла бы – только б упас, защитил. Да только ушел с Владиславом закраец, уехал в родное Бялое на Якубов обряд.

От мысли о наследнике Бялого сердце и вовсе расходилось. Ядвига присела на лавку у заднего крыльца, опустив рядом сверток с покупками, закусила кулачок, всплакнула. Благо с самого утра сидят госпожи как совы, запершись в опочивальне княгини Эльжбеты, и никто слез ее не увидит.

От жалости всплакнула – к себе, к Якубеку, к несчастливой их судьбе. Теперь, когда быть Якубу князем, да под пятой Черны, и мечтать Ядвиге нельзя о том, чтобы вернуться. Но сколько ни уговаривала она глупое сердце, а то все не находило покоя. Чувало беду.

Только никому до ее предчувствия дела не было. Никого на чужбине у Ядвиги, чтобы пожаловаться да посетовать.

Снова всплакнула – от обиды. Вспомнился возчик Славко. Уж как она просила его отвезти ее в Бялое – не взял. А никому другому не доверилась бы Ядзя. Ну как вернут хозяйке, а еще страшнее – новому хозяину. Хозяйка за волосы отгаскает да в погреб посадит на ночь – это, знакомое дело, можно перетерпеть. А князя Влада кто знает – может, за побег от господ в Черне тоже Страстная стена полагается, и Игор не выручит.

– Все с ним хорошо будет, – проговорил над плечом Ядвиги тихий голос, который она и узнала не сразу. Ни разу не слыхала она в голосе княгини Агаты такой тоски, горечи. – Дурного Землица не допустит. Каждый день ей за Якубека молюсь. А ты?

Ядзя кивнула, размазывая ладонями слезы по щекам, чтоб сохли скорей.

– Тоскуешь по нему? – Странное лицо было у Агаты, словно бы каменное, мертвое. И только в черных глазах выражение такой муки, какую только матери знают.

Ядвига опустила голову, спрятала лицо в ладони.

– Поезжай в Бялое, – ни с того ни с сего бросила княгиня. – Я не могу, а ты поезжай. Пусть не думает, что он один там. Так и скажи, что мое сердце с ним.

– Да как же... А княгиня? – спросила, не в силах скрыть радостное волнение, Ядвига.

– Довольно у нее нянек, Ядзюня, – проговорила Агата почти ласково. – Я тебе велю – поезжай. Побудь с ним, сколько позволит. Сон мне дурной приснился. Будь моя воля, сама поехала бы, да только... не в Бялом, а в Черне судьба обоих уделов решается. Мне надо при дочери и внуке нерожденном остаться. Через час обоз в Бялое уходит – собирайся. Я тебе для Якуба кое-что дам. Возьми...

Глава 10

...с собой только самое малое, чтоб налегке. Уходить всегда налегке надо. Скорее, пока добрые люди не нагнали да не явили своей доброты вилами или жердями.

До самых сумерек искали ее в лесном городе и рядом в лесу, рыскали по дорогам, отыскивая ее следы. Все это время она, едва жива, просидела под грудой одежды в домике возчика. И только когда разгневанный Славко, ставший, словно по велению словника, всеобщим вожаком, позвал всех в шатер ужинать да за трапезой побеседовать о случившемся, когда голоса стихли, она выбралась из укрытия и на дрожащих ногах добралась до своего домика. Там все было перевернуто и изорвано.

Странные люди что злые, что добрые – одинаковые. Случилась беда – сразу бросаются не жертвам помогать, а искать виновного. Бегают, шумят. А сесть, толком обговорить, кто что видел, знает, как все произошло – беспокойная кровь не дает. Уж если ударит она в голову, так рьяные искари и тряпки-то все разорвут, словно мог спрятаться виновный меж полкой и карманом.

Агнешка окинула взглядом маленький домик, подаривший ей несколько седмиц тишины и покойного житья, собрала в заплечный мешок то, что могло пригодиться и не слишком пострадало от добрых людей. Потом достала из-за пазухи несколько пучков сухой травы и трутницу. Зажгла несколько крошечных костерков в углах, обложив их щедро тряпками и щепками.

Таясь, скользнула между строениями в лесную чащу, где по привычке оставила для себя подарочки на черный день, чтоб не так горько было снова сниматься с места и бежать куда глаза глядят. От людской доброты.

Да только куда бежать? Где спрятаться? И от кого стоит скрываться в первую очередь? От чернских, бяломястовских, лесных братьев или селян, что готовы за монету ловить ведьм десятками, в снопы вязать да на двор Чернцу волоочь.

И снова мысль о Владиславе Чернском отозвалась не ужасом, а каким-то странным покоем. Словно кто цветущей дурман-травой на сердце дунул. Вспомнился голос, уверенный и чуть виноватый, вспомнились глубокие серые глаза.

Агнешка замерла, не в силах поверить, что мысль, пришедшая в голову, не кажется ей такой уж безумной.

И тут вспыхнул резко и ярко дом. Пламя, тлевшее в углах, поползло, как и задумала беглянка, по всем четырем опорам, жадно глотало соломенную крышу. Люди забежали, от колодезцев понесли ведра.

– Куда это ты, Ханна? Или как лучше называть – вечоркинская ведьма?

Агнешка вскрикнула, когда чья-то сильная рука схватила ее за плечо.

Славко выдернул из рук Агнешки мешок, продолжая удерживать жестокой хваткой. Едва ли кто, увидев его в этот миг, сказал бы, что несколько часов назад лежал этот человек почти бездыханным. Силища в руках бывшего мануса была медвежья.

– Думаешь, опоила, подставила тех, кто доверял тебе, под засаду, а потом спокойно ули-нешь? Едва ли, Ханна. Что, прикусила свой острый язычок?

Агнешка готова была заплакать от досады и страха, но сидевшая в ней словница Ханна подняла голову и гневно глянула на возчика.

– Убери руки, бывший манус. Не жена я тебе, чтоб терпеть.

При этих словах тот и правда ослабил от удивления хватку, и надменная гордячка продолжала:

– Не подставила я Ивайло. Сам он себя под удар подвел. Разбойничать ему нравилось, верно? Не станешь отрицать. Нравилось людей грабить, глотки резать, железками махать.

Думал железом силу истиннорожденных взять. А не вышло. Налетел на самого Чернца. И в том моей вины нет. Моя вина только в том, что, не опои я тебя, лежал бы ты в лесу вместе с ним мертвый.

– Как? – едва выговорил Славко.

– А вот так, – язвительно объявила ему Ханна, проведя пальцем, словно ножом, у горла.

– Как ты узнала про мануса? Про жену?

Лицо у бородача было такое несчастное, что Ханна скользнула внутрь, и на смену ей пришла Агнешка.

– О том, что с тобой приключилось, о ранах твоих, и телесных, и душевных, мне рассказал Владислав Чернский, – проговорила она тихо и ласково.

– Что? – хрипло спросил Славко, снова стискивая плечо беглянки. Она охнула, дернулась.

– Прощенья просил у тебя Чернец, что слишком поздно понял, как опасна топь. Сказал, что деньги тебе шлет, спрашивал, не мало ли. А лесные знают, что ты деньги от Чернца получаешь?

– Ни монеты я от него не видал! – гневно зашипел возчик, но видно было, задумался, не навивается ли на нем бывшая супружница. Агнешка читала по его лицу, словно в книге.

– А может, спросишь у жены, кому это Владислав Чернский деньги платит? Может, он людей к стене и прибивает, а вот во лжи его ни разу никто не обвинил.

– Может быть, он и не лжет, да только нет мне радости от его раскаяний. А ты, лгунья, за свои дела заплатишь...

Мужчина потащил упирающуюся девушку обратно к лагерю. Агнешка почувствовала, как тают силы в дрожащих ногах.

– А еще он сказал, – вскрикнула она отчаянно, – что лекарство от топи выдумал. Исклечила тебя топь, но не взяла, а мою мать убила, да не быстро. В живой узел связала, превратила в чудовище. Не знала я, когда тебя травами поила, что Владислав Радомирович нашел управу на радугу, но теперь знаю и Землицу за то благодарю. И все сделаю, чтоб проклятую Цветноглазую извести. Не успела я сказать князю, что задумала что-то дурное та «кума», о которой говорил Щур, и у него уж не спросишь. Но не хочу, чтобы гадина эта добилась своего раньше, чем излечит Чернец Землю от проклятой радуги. И не побоюсь к нему сама на двор прийти, хоть и зовут меня вечеркинской ведьмой. Так и знай, все ему скажу, так что держи крепче, веди, жги, кольями тыкай...

Возчик разжал пальцы так внезапно, что Агнешка едва не упала. Ничего не ответил. Сунул в руки мешок – словно толкнул, беги, мол.

Агнешке хотелось хоть что-то сказать ему напоследок, такое жуткое и больное было у него лицо. Хотелось как-то подбодрить, утешить. Но слова не шли на язык. За деревьями уже слышались шум и гневные голоса.

Агнешка развернулась и, выставив перед собой мешок, чтобы хоть как-то защититься от хлещущих веток, рванула через бурелом прочь, сама не зная куда, но уверенная, что так или иначе отыщет дорогу в Черну. Княгиня на сносках, ей, верно, пригодится хорошая лекарка.

Остановить кровь любая книжница может, а вот правильно кровь пустить – тут не сила, а умение нужно. За кровопускание Земля отповедью стукнет, и не объяснишь ей, что лечение это, что на благо. Причинил боль – получи половину. Тут-то и отступают колдуны и дают место травницам и ведуньям. Потому как кровь и сила слишком тесно связаны, чтобы лезть в эту путаницу палашом колдовства. Это в деревьях все в рот ворожее смотрят, а благородная барыня побоится рожать без толковой мертворожденной лекарки, потому как она, не зная, что такое сила, острее чувствует, что такое кровь.

Глава 11

И все равно вздрогнет сердце, пока первая капля, сорвавшись с запястья, падает на камень, разбивается крошечным алым крестоцветом. Как прорастает кровавый росток в самые глубины священного камня, уходит в его пористую белую скулу. И на то место, где только что адела первая капля, падает вторая, третья.

Тадеуш заставил себя поднять голову и встретиться с десятками любопытных, злых, слишком внимательных глаз. Все взгляды были устремлены на него. Взгляды льнули к его оцарапанной костяным ножом руке, белому платку, вышитым на плечах бяломястовским лисам, как льнет к телу купальщицы мокрая нижняя рубашка. Князя ближних и дальних уделов или их посланцы – сыновья, братья, приближенные маги, все, не отрываясь, не мигая, не позволяя себе шевельнуться, смотрели на Тадеуша, нет, Якуба. Якуба Бяломястовского. И Тадеуш приготовился к тому, что кто-то из них сейчас... вот сейчас, в этот самый миг крикнет, скажет, шепнет: «Да это не бяломястович».

Но никто не сказал. Взгляды, что мгновение назад ощупывали Тадека, притянуло неведомой силой к камню, в глубине которого уже заметно было бледное свечение. Для золотника оно должно было бы быть ярче и мощнее, но все хорошо помнили, что пережил Якуб, и большего не ждали. Однако произнести вслух то, чего так ждал Тадеуш, никто не решался.

Он бросил взгляд туда, где сидели Войцех и Лешек. Отец и брат, как и остальные, вперили взгляды в светящийся камень, на лицах обоих застыло странное, напряженное выражение. Тадек понял: они думают о нем, о его попытках сплотить князей вокруг Якуба против Чернца, и о том, как дорого это может обойтись и самому Тадеку, и его семье. Удостоверившись, что Якуб признан родным уделом, Войцех опустил голову, принялся разглядывать свои сапоги. Лешек же, напротив, продолжил смотреть широко распахнутыми глазами, но не на переодетого Тадека, а куда-то ему за спину.

Тадеуш обернулся.

Рядом с ним, опершись темной рукой на белый святой камень, стоял Владислав Чернский. В наступившей оглушительной тишине слышно было, как свистит над поляной птица, ветер шуршит в листве, шипит на камне последняя капля княжеской крови.

Тадеуш сжался, ожидая разоблачения. Его словно потянуло в сторону Чернца, веки начали тяжелеть. Но тут Владислава словно что-то толкнуло, он покачнулся, заозирался по сторонам, тряхнул головой. Серые глаза внимательно следили за Тадеушем.

– Живи и правь долго, Якуб, князь Бялого мяста! – крикнул Чернец отчетливо, вскинув вверх руку, а потом, изящно склонившись, прижал руку к земле под ногами, признавая земной выбор.

Толпа взорвалась громкими криками одобрения. Князя склонялись в традиционном земном поклоне, иные, пользуясь моментом, подходили к святому камню и целовали землю у его основания, прося защиты или урожая.

Чернец кротко поклонился и, махнув своему великану следовать за собой, пошел прочь, на ходу безо всякой вежливости прощаясь с соседями. Тадек заметил на краю поляны возок, на котором темнела какая-то груда, закрытая отрезом темной ткани. Чернец и закраец не собирались оставаться на пир.

Тадеуш выдохнул, поняв, что все получилось. Где-то за спинами князей маячил мрачный Иларий. Видимо, не дать Чернцу прочесть мысли Тадеуша стоило ему немалых усилий – Иларий был страшно бледен. Ему пришлось опереться рукой о дерево, чтобы удержаться на ногах. Тадеуш, напротив, чувствовал себя так, словно у него выросли крылья. Милое чистое, как первый снег, личико Эльжбеты стояло перед его мысленным взором, алые губки приоткрылись в счастливой улыбке, черные брови приподнялись, глаза...

Глава 12

...горели надеждой. Эльжбета с распущенными по плечам волосами сидела на постели, позволяя няньке расчесывать прядь за прядью, пока ворожея колдует над заметно округлившимся животом.

– Не вижу, – рассерженно пробормотала Надзея. – Что вы обе наделали своим непутевым колдовством? Не вижу младенца.

– Не забывайся, ведьма, – скривив губки, бросила Эльжбета. Надежда в ее глазах сменилась гневом. – Значит, ты не можешь заговорить ребенка? Значит, взяв первенца на руки, Владислав не умрет?

Надзея отрицательно покачала головой.

– Зачем ты привела мне эту убогую, нянька? – Княгиня оттолкнула старческие руки с гребнем. Нянька принялась уговаривать «свою красавицу» побережь себя. Надзея молчала, глядя на Эльжбету с нескрываемым презрением. Капризы княгини ее совершенно не беспокоили. Она почти подобралась к Чернцу. К нему и его сыну.

Подобралась, чтобы отплатить за своего. Жаль, через охранные заклятья князя к младенцу не пробиться. Не начудила бы Эльжбета, не стал бы Владислав накладывать такую глухую защиту на сына. Теперь и сам не может к нему пробиться колдовством, в неведении живет, все ли ладно, да только и таким, как Надзея, до наследника не достать. А как хорошо было бы, если б умерли в одночасье и отец, и сын, прикоснувшись друг к другу. Что ж, пусть будет только отец.

– Что ты уставилась на меня, ворона? Не приведи Землица, приснишься с этакой рожей! – Эльжбета выпятила губу, свела гневно брови, отчего превратилась в совершенную дурнушку.

– Землицын круг ты для младенчика уже приготовила, матушка? – терпеливо спросила Надзея, стараясь не глядеть на обезображенное гневом лицо княгини.

– Вот еще. Пусть отец Землице посвятит.

– Если приготовила, я могу... обратиться к моим покровителям, чтобы, коснувшись круга, князь Владислав... перестал существовать.

Эльжбета отвернулась. Безмолвно и отрешенно наблюдавшая за дочерью Агата вынула из-за ворота круглый земной знак на светлом гайтане, сняла, протянула ведьме.

– Бери мой. Только поклянись, что ребенку он не повредит. Радугой поклянись.

Надзея прищурилась.

– Клянусь, – проговорила она наконец, принимая круг. Поклонилась и, не прощаясь, вышла прочь.

Обойдутся без здоровья и благоденствия, проклятые бабы. Разве только Агата немного нравилась Надзее. Хоть и скверная баба, упрямая и злая, как гусыня, а за детей своих кого угодно насмерть заключет. Надзея сама была такой, пока было, за кого клевать. Пока не отнял Владислав единственного сына. Хорош был Марек – силен, красив, девки с него глаз не сводили. Книжник на диво. Всего-то и сделал, что взял девчонку против воли. Все ж знают, что девки только для виду ревут да отказываются.

Да не простую девку насильничал, а чернянку. Она и пришла ко князю реветь. Не успел Марек за ворота Черны выехать – изловили. За насилие сам Владислав Радомирович его клеймил. Прижег лоб раскаленным земным кругом.

И толку-то стало, что книжник. С клеймом кто в услужение возьмет? Запил Марек и, как ни пыталась мать остановить, вовсе спился, разум пропил, подписался в услужение к трактирщику. А тот, проклятый, к тому же Чернцу на полный герб его продал, как безумного.

Не знала Надзея. Пошла, чтобы клеймо проклятое свести, в обучение и услужение к небовой ведьме, сама ею стала. Да только поздно. Приломала топь на башне Марека. Насмерть.

Как хотелось Надзее отомстить Чернцу за сына сыном, да только права́ Агата, не отвечает за отца младенец. Это только дура Эльжбета, что кукушка, материнского чувства не знает, а всякая нормальная баба, Землице ли молится или к небу голову поднимает, а все дитя любит и жалеет.

Надзея долго блуждала по лесу, отыскивая подходящую поляну, пока наконец не приметил того, что искала – большой ведьмин круг из белых, похожих на маленькие облачка грибов. Она остановилась в центре и, подняв на вытянутой руке зажатый в пальцах знак Земли, зашептала быстро и горячо:

– Кого, как не тебя, просить о помощи мне, Владыка грозный, Царь предвечный! Все видны мы тебе, рабы твои, не твоей ли высоты убоившись, к земле пригибаемся. Не от твоего ли семени понесла Земля и выпустила из чрева своего истиннорожденных магов. Ты, Небо, все видишь, все знаешь, поделись со мной своей неизбывной силой. Дай мне молнии и громы твои, черные ливни, смерчи сизые, вложи их в руку мою, чтобы, как ты караешь огнем небесным, могла я покарать погубителя дитяти моего. Как роняет всеильный ветер могучие деревья, так ты урони его к ногам моим, чтобы могла я нанести удар. Призываю помощь твою, Владыка грозный, высокий, многоликий, податель ветров и радуг, тучегонитель, отец ливней...

Чистое голубое небо помрачнело, небольшое белоснежное облако над лесом начало густеть, наливаясь тяжелой чернотой. Дождь хлынул внезапно, словно над головой ведьмы перевернули ведро ледяной воды. Она мгновенно промокла до костей, но, выстукивая зубами дробь, продолжала бормотать, протягивая к небу золотой кружок.

Яркая вспышка едва не ослепила ее. Скользя между деревьями, тонкая огненная нить протянулась от темного облака к зажатому в руке ведьмы кружку металла. Небесный огонь обвил золотой знак, раскалил его так, что Надзея взвыла от боли в пальцах. Капли дождя шипели, разбиваясь о раскаленный амулет. Словно спасаясь от воды, огненная змейка юркнула в металл, продолжая светиться из его глубины, а после и вовсе затихла, смилив до времени свой небесный нрав.

Дождь иссяк. Трясушаяся от холода, обессиленная Надзея спрятала золотой кружок за пазуху и, в последний раз прошептав хвалу своему покровителю и его радугам, побрела прочь. Грибы подросли от колдовского дождя и теперь белели без прежней робости, с каким-то дерзким вызовом. Надзея попыталась перешагнуть через них, оступилась и, поскользнувшись, повалилась навзничь. Ветер прошелестел в листве, словно смеясь над неуклюжей жрицей, сбросил ей в лицо град тяжелых капель.

Надзея сдержала злые слезы.

Теперь осталось затаиться рядом с Чернцем, заставить Эльжбету без бед выносить наследника и дожидаться нужного часа...

Глава 13

... когда скатится за край леса красным яблоком усталое солнце ранней осени, еще дышащее жаром, словно натопленная печь, но уже ленивое, медленное, с усилием вползающее на небосклон много ниже прежнего и собирающееся на покой задолго до того, как уйдут с гулянья последние певуны.

Бяличи гуляли долго. Пели по дворам и на площади, славили нового князя, на день позволив себе забыть о том, что по-прежнему висит над Бялым тень чернского душегуба, что молодой князь их – бессильный калека.

Осень уже вступала в свои права. Яблоки в садах налились бесстыдным румянцем, на припеках трава пожелтела и пожухла, ложилась в изнеможении, прижимаясь к матери-Земле. В лесной тени еще было зелено, дышало прохладой, но в прохладе этой уже чувствовалось дыхание осенних ветров.

Солнце село, и холод подступил ко дворам, загнав певцов по домам. Бабы повели пьяненьких. Какая-то девчонка, звонко смеясь, пробежала мимо черного крыльца. Мелькнул беленький платочек, плеснули рыжеватые косы, хлопнули девчонку по спине, заставляя бежать скорее. Припустивший за ней молодчик бегал куда хуже. Поняв, что беглянку не настигнуть, выругался тихо, поминая бабьи глупость и норы, и побрел на далекие голоса расходящихся певунов.

Защемило сердце Иларию. Вспомнились снова – вовсе некстати – покосившаяся лесная избушка и юная травница, срывающая крестоцвет.

До боли захотелось вернуться туда. Казалось, на этот раз она непременно окажется там. Дом, пустой и стылый, наполнится ее смехом, светом влюбленных глаз.

Рад бы к Землице на постой, да грехи не пускают.

Иларий дождался, пока смолкнут голоса, нырнул во тьму, где мелькнул белый платок, и появился снова через малое время, таща на себе безвольное тело. Могло показаться, манус помогает крепко подгулявшему приятелю добраться до дома, да только повернули друзья не в сторону городских застроек, а к реке.

Бяла шумела во тьме, веяла прохладой темная вода. Ветер, словно перебравший гуляка, трепал ветви и камыш, хлопали ладонями волны по мокрым круглым задницам прибрежных валунов. Разве расслышишь в такую ночь тихий плеск, влажный шорох?

Иларий, ежась от холода, собрал по берегу камней поувесистей, наполнил плотно подвязанную поясом рубаху лежащего на земле мертвеца, набил в штанины и замотал низ веревками. Из-за пазухи мертвого показался белый краешек – вышитый платочек, девичий. Иларий покачал головой. Забыл в суматохе Тадеуш – и ко благу. Пусть идет прошлое ко дну. А то воротится – и все плохо придется.

Он затолкал платочек мертвому в рукав, чтоб не выплыл как-нибудь по течению, не выдал места речной могилы. С усилием толкнул отяжелевшее тело в воду.

Прошлое плеснуло и ушло во тьму.

Иларий повернулся, чтобы пойти к молодому князю. Тадек, верно, изводится, не увидел ли кто, как манус выносит мертвого. Но ноги отказались повиноваться. Иларий сел, опустил руки в остывающий песок. Он приятно охлаждал горевшие огнем шрамы.

Манус прислушался к себе. Снова в один день лишился он огромной части своего прошлого. Погибла от радужного ока глупая Каська, решил свою судьбу безумный Якуб. Ведь он любил их, жалел... когда-то.

Казалось, гулкая влажная тьма с берега Бялы переселилась и в душу мануса. Пусто, холодно. Если и чувствовал он что, то только облегчение – не нужно больше бояться, что

дознается Каська, кто убил ее мужа, что признается перед народом в отцеубийстве, примется виноватиться Якуб, что узнает об Иларии Чернец. Что случится беда.

Все случилось. Случилось страшнее, чем ждал он, чем думал. Случилось и обошлось, оставив только пустоту и облегчение. Словно вместе с камнями с берега положил за пазуху мертвому Иларий и камни со своей души.

«Седьмицу-другую побуду при Тадеке, присмотрю, а там – пропади все пропадом. Поеду искать Агнешку», – пообещал себе Иларий, поднимаясь с песка. Бранясь, отряхнул влажный песок с сапог.

Глава 14

Не отпускало странное чувство. Даже для него, истиннорожденного сильного мага, странное. Словно бродит где-то рядом грозовая туча, зреет, а дождем никак не разразится.

Болюсь поежился, отошел подальше от входа на ледник. Когда в своем убежище работал князь, подземелье не казалось таким жутким. Холод и запах смерти словно таились на леднике, опасаясь князя. Теперь, когда здесь остались только старый Болюсь и Конрад, улучивший свой час, страх тянул к слугам князя длинные ледяные щупальца, напоминая о боли и страдании, которыми здесь, казалось, пропитаны были все стены.

Конрад сердито собирал в корзинку склянки, оставленные Владиславом. Под вечер прискакал от Яснинок мальчишка, сказал: в поле у большого валуна, куда повела деревенская колдунья рожать какую-то бабу, открылась топь. Колдунью приломало, бабу вытащили. И с ней, и с ребенком все хорошо, только напугалась сильно, а колдунью всю переломало – мертвая лежит. Да только око не закрылось. Так и смотрит. Маги к нему не идут – кому охота попасться. Мертворожденные не знают, что делать. Последнее поле необранное стоит. На силос.

– Ждали, думали, закроется, а оно все светит и светит, светит и светит, – бормотал мальчик, пока Болюсь вел его на кухню, усаживал на скамью. Старик сказал ему лишь пару слов – петля легла легко, мальчик успокоился, принялся есть. Болеслав прокручивал в голове, приготавливая к действию привычное свое оружие – слова, думая, как скажет князю, что, едва вернувшись, должен господин отправляться в поля. Но Конрад, осмелевший без хозяйской руки, отчего-то решил, что они справятся сами. Благо князь оставил довольно склянок со смесью, закрывающей радужный глаз топи.

Болюсю ехать не хотелось. Бродило, перекатывалось внутри, в кишках, предчувствие дальней беды. С трудом удерживался словник, чтобы не заглянуть под полог будущего, да боялся тратить силы – вдруг понадобятся, если прихватит Конрада око, потащит к себе. Стар был уже Болеслав, колдовал-то так же легко, как в юности, да силы прибывали не так скоро.

Книжник и словник вышли на крыльцо, у которого уже ждал возок. Конрад полез на место рядом с возницей, держа на коленях драгоценную корзинку, оставив Болюсю почетное право трястись сзади.

Словник, кряхтя, полез в возок. Откуда взялась девчонка, один ветер ведает. Подскочила, схватила старого словника за руку, затрещала:

– Дедушка, помните меня? Вы ведь в Бялое едете? Землицей и ее благостью умоляю, возьмите с собой. Сбиралась долго, другой возок и уехал. А как матушка-княгиня передумает...

Болюсь хотел оттолкнуть ее руку, ответить, что ни в какое Бялое они не поедут, хватает там народу и без них, но не успел. Закрутило, поволокло в серую хмарь грядущего. Полопались, рассеялись нити настоящего, и сквозь замершее мгновение глянуло на словника белое лицо с черными провалами глаз. Лицо ли? Голая кость, обнаженные в мертвой улыбке зубы. Череп скрипнул челюстями, отвалил нижнюю, и из пустого безъязыкого рта вырвался дикий хохот. Мертвец сгреб в охапку болтливую девчонку, прижался острыми зубами к ее пухлым губкам, и она подалась ему навстречу, словно любовнику, обвила руками за шею. Хохот. Дикий хохот мертвеца заполнил голову словника, слезы брызнули у старика из глаз, язык, распухший в одно мгновение, не уместившись во рту, вывалился.

– Дедушка! Люди добрые! – заголосила где-то рядом девчонка. Словник видел ее, словно через воду, словно он лежал на дне реки, над ним плыли облетевшие с березы первые желтые листья, а над ними, над самой водой, склонилось лицо перепуганной девчонки, звавшей на помощь.

– Не... езд... – выдавил хрипло Болеслав. – В Бяло... не... езд... Смерть... Лицо... белое...

Девушку оттолкнули. Над Болюсем навис Конрад, приложил ко лбу словника свою книгу, по ней, слепя старика, побежали ручейки силы. От книги пахло копченым салом, свежим хлебом и медом.

Болюсь прикрыл глаза, позволяя заклятью Конрада вытащить себя из ледяной пучины видения. Какое-то время он уже мог дышать и без боли открыть глаза. Оказалось, что он лежит на земле под колесами возка. Конрад сидел возле, одной рукой прижимая к себе корзинку со склянками, другой – книжку. Вид у него был утомленный. Едва ли Конрад годен был ближайший час к тому, чтобы закрыть хоть что-то, кроме опустевшего горшка с кашей.

– Смотри-ка, Игор, кто тут у нас отдыхает. Что, батюшка-словник, сам притомился и книжника моего уморил? – раздался внезапно над головами магов знакомый голос Чернского господина. Владислав, в запыленном коричневом плаще, спрыгнул с козел. Игор, пошатываясь, сполз с воза, на котором лежал под темным покрывалом какой-то ком.

Приглядевшись, словник понял, что и сам Владислав Радомирович едва держится на ногах.

– Да ведь сегодня днем должен был Якуб Бяломястовский к камню идти? – удивленно спросил Конрад.

Владислав мрачно кивнул, лоя лошадей под уздцы, чтобы отвести к дому. Конрад поднял на ноги словника. Все двинулись следом за князем. У черного крыльца Владислав сам выпряг хрипящих лошадей, отер им пенные морды полой своего плаща. Лошадкам словно бы полегчало.

– Решили не ехать? На башнях что? У нас тут в Яснинках... – затараторил Коньо, решив, что князю лучше, но Владислав прервал его.

– Были мы в Бялом. Все честь по чести. Наследник Якуб. Камень засветил. Признали. – Владислав словно выдавливал из себя по слову, с усилием выговаривая короткие, рваные предложения.

– Да как же? – изумленно спросил словник. Конрад шикнул на него, помахал, словно крылышками в воздухе, толстыми ладонями.

– Да не шипи ты, Коньо, – с досадой проговорил князь. – Долетели. В лесу за воротами пришлось уж на землю. Ногами. А то наши хоть и знают... что я ветров сын, да своими глазами... не видали. Перепугаются. Тяжело далось. Кони устали. Игор едва лук не опалил. И вы, вижу, не особо веселы, да только отдыхать позже будем. На возу подарок у нас из Бялого.

Конрад подошел к возу, глянул под ткань, охнул.

– Батюшка Болеслав, не поможешь ли Конраду отнести подарок вниз, да положите на ледник. Переменю рубашку и спущусь.

– Да что ей теперь? – буркнул Конрад. – Уж приломало топь. Только пробы взять, да и то зачем? Есть же склянки.

– Есть. Да только тут дело другое. Я сам видел, как ее приломало. Своими глазами. Как открылось. Как потянуло, сам чувствовал. А что... в Яснинках?

Конрад стал примериваться, как бы донести жутковатую ношу, но не пришлось. Игор, с трудом переставляя ноги, со злым шипением поднял на руки ком изуродованной плоти и понес по ступенькам крыльца, хрипло каркнул: «Отвори мне, Конрад».

Книжник толкнул дверь, пропуская закрайца вперед, оборотился к хозяину.

– В Яснинках деревенская ворожея око открыла. Ее приломало. А око не захлопнулось, а уж третий день в поле стоит. Светит и светит... – от волнения повторил слова сельского мальчишки Конрад.

– Светит, говоришь. А что делала ворожея?

– Баба там у них рожала, – пробормотал толстяк, наткнувшись на цепкий взгляд князя.

– Молилась, верно, – словно самому себе заметил Владислав. – Ладно. Занеси на ледник, а потом поедешь на башню, да только не в ночь. Не ползут деревенские к оку, не совсем уж увальни. С утра поедете и затворите. Пары склянок хватит. А то ты со страху-то полную корзинку накидал. Этак я не напасусь снадобья. Спокойно ли все в дому?

Толстяк и словник кивнули. Князь и Конрад поспешили в дом, а Болеслав замешкался на крыльце, огляделся, ища глазами девчонку, что просилась в Бялое. Не отыскав, обошел дом и выглянул на двор как раз в то время, когда воз, груженный каким-то скарбом, скрылся между домами. На нем сидели три бабы. Рядом с кучером заметил словник и девчонку с косой. Упрямая, верно, не послушалась его, а может, не услышала. Подалась-таки в свое Бялое.

Словник вынул из-за ворота земляной круг, приложил к губам.

«Может, и не на погибель поехала, – сказал он себе неуверенно. – Может, и не про нее мне показалось... Авось обойдется».

Глава 15

Авось пронесет беду мимо, как черную тучу.

Агата еще раз приложила руки к животу дочери. Прикрыв глаза, попыталась направить силу в перстень, а из него в рыхлое тело Эльжбеты. Ледяной смерчик пронесся в груди, остудил руку, кольнул холодными иглами пальцы и бросился в зеленый камень кольца. Взвился там, обратившись в шар ледяного воздуха, и, получив на мгновение волю, прошелся вокруг пальца, покрыв колечко инеем. Но не хватило всей силы Агатиной проникнуть сквозь заклятье, наложенное Владиславом.

Может, и не догадался он, что Элька сделала, да только глаза не обманешь – еле жива была княгиня, тяжело давался ей наследник. Это уже теперь пришла в себя да осмелела, когда угнездилась рядом эта черная ворона Надзея. Уже хотела ее Агата со двора согнать вместе с проклятой советчицей-нянькой, да только Эльжбета вцепилась в свою новую страшную игрушку так, что не оторвешь.

И теперь, стоило матери в изнеможении отнять руки, присела на постели и ворчливо спросила:

– Надзея где? Позови!

Горечью отозвались в губах слова дочери. Только что хотелось прижать ее к себе, защитить, да только глянула Агата на Эльку – и словно бы оборвались все добрые нити. Не могла эта капризная злая баба быть ее Эльжбетой, голубкой Бялого. Как за считанные седмицы превратилась она в эту полнеющую день ото дня гусыню, готовую в любой момент ущипнуть или клюнуть? На смену горькому удивлению неожиданно пришел гнев. Мало ли что Элька здесь хозяйка, а она гостя – не дело так с матерью говорить. Не была бы Эльжбета так глупа, как показала, давно вернулась бы Агата в Бялое к сыну.

– Никого я звать не стану! Разве я девка, чтобы ты мне приказывала! – прошипела она, глядя на дочь сердито.

Эльжбета надула губы, уперла руки в бока, уставилась на мать взглядом исподлобья. Да только покрепче была Агата, она, бывало, в такие гляделки самого Бяломястовского Лиса переглядывала. И делал Казимеж все по-жениному. Эльжбета опустила глаза, несколько раз моргнула, и слезы обиды тотчас полились из ее покрасневших глаз. Элька, и не думая встать с постели, протянула к матери руки, подняла блестящие от слез глаза.

– Матушка, страшно-то как!

Агата подошла, прижала голову дочери к животу, погладила по волосам, стараясь вернуть пальцам прежнее тепло, да только получалось плохо. Одиночество, зябкое, темное, нахлынуло, вытеснив из души все до последней искры. Агата вдруг остро почувствовала, что она совсем одна. Одна против страшного зятя, против дочерней глупости, подлости черной ведьмы, безоглядной верности няньки. Одна – вдали от сына, от ставшего родным Бялого.

Скажи ей раньше кто, что будет она скучать по дому Казимира, где вытерпела столько обид, столько грязи и душевной боли, не поверила бы... Но то раньше.

Ядвигу услала...

Думала, поедет девка в Бялое, передаст Якубу материнское слово и благословение – и отступит тоска. Но без Ядзи, без вечной ее болтовни и шустрых глаз почудился княжеский терем вовсе мертвым. Словно не люди вокруг, а головы, прибитые к Страстной стене – не живут, не любят, только жалуются, что Судьба к ним несправедлива, да зубами скрипят.

Самой захотелось выбежать во двор, как есть, в домашнем, без скарба, да что там – без узелка, с пустыми руками да одним золотничьим перстеньком напроситься в ближайший обоз до Бялого. Представился высокий вызолоченный закатным солнцем терем, широкий двор, запах моченых яблок. Широколобый мужний гончак как всегда отирается у крыльца, ждет,

кого бы обрехать, или высматривает, нельзя ли чего стащить съестного. Представилось, как встают, завидев ее, и кланяются до земли дружинники, как, блеснув глазами, прикладывает с почтением белые руки к груди манус Иларий, и глаза у мануса синие, с искрой, как глубокая вода Бялы, когда только тронется лед, начнет давить и крошить сам себя, а из-под ледяного крошева вода засветится. Синяя-синяя.

Агата едва не заплакала. Закусила губу...

Элька всхлипнула, вытирая мокрые щеки о платье матери.

– Разве тебе меня совсем не жаль? Ведь это ты виновата. Ведь ты позволила отцу меня просватать. За что?

Агата с трудом сдержалась, чтобы не оттолкнуть ее.

Сама хотела бы она знать, за какой такой грех Казимеж откупился от Владислава Чернского дочерью. Умер Казик – теперь с него спросу нет, а спрашивать у Чернца – никакое любопытство не заставит.

Агата вздрогнула, увидев, что тот, о ком она только что думала, стоит прямо перед ней и пристально смотрит в глаза. Ни дверь не скрипнула, ни половица – казалось, Владислав шагнул в комнату прямо из ее мыслей.

Чернец приложил палец к губам: молчи, мол, тещенька. Вопросительно указал глазами на Эльжбету. Агата, все еще прижимая голову дочери к животу, покачала головой и махнула свободной рукой как можно пренебрежительнее: иди, мол, зятек, не тревожь нашу голубку.

Чернец усмехнулся. Никакие жесты не могли спрятать страх в глазах тещи.

От усмешки черты его лица еще больше обострились, и Агата с удивлением отметила, что князь выглядит непривычно усталым, даже больным. Усталость была во всем – в его движениях, взгляде, повороте головы.

Князь кивнул на дверь и вышел, так же бесшумно, как и появился.

Агата испугалась, что у двери он мог столкнуться с Надзеей. Поскорее уложила Эльжбету на постель, уговорив немного поспать, пока она пошлет за ведьмой. И сама не могла бы сказать, отчего скрыла от дочери, что ее муж вернулся.

Агата вышла, остановилась, держа в руке оплывшую свечу, всмотрелась во тьму. Тут как ни старайся принять горделивый и уверенный вид, а ничего не выйдет. Любой, кто вглядывается в темноту поверх тонкого язычка свечки, походит на ребенка, идущего по ночному дому в родительскую спальню в полной уверенности, что за каждым углом таится домовый или стая нетопырей.

– Что-то вы напуганы, дорогая тещенька? Нездорова княгиня? – спросил князь тихо.

– Мужу бабьей доли не понять, – ответила Агата, продолжая вглядываться в темноту, откуда доносился голос.

– Отчего ж вы мне в разумении отказываете? Расскажите, может, и сумею понять, что же такого особенного в бабьей доле? – Голос князя зазвучал жестче.

– Откуда? – зашептала она, вспомнив недавние слова дочери, вспомнив саму себя, молоденькую княгиню Бяломястовскую, впервые вошедшую на двор Казимежа. От горьких воспоминаний дух занялся. – Откуда мужчине знать, что такое, когда тебя, словно козу, на веревке ведут – на продажу или на заклание?

– И куда же Эльжбета Казимировна готовится – на торг или под нож? А вас, тещенька, давно ли заклали? Еще пара лет, и козочку эту никто и в рагу не возьмет, – с насмешкой проговорил из темноты Чернец.

Отчего-то Агата не рассердилась. Почуяла, что в большое попала.

– Мне повезло. Продали козочку козлу, – выговорила она, мысленно прося прощения у мужа, что по смерти говорит о нем дурно, хоть бы и правду, а все Землица не велит.

– А дочку, думаешь, волку сосватали? – рассмеялся Владислав. – Я ей не навязываюсь. Сама видишь. Найму повитух, как ты просила, и буду заглядывать лишь изредка, проведать.

Родит, и вовсе не подойду. Не нужна мне твоя козочка. Как выкормит мне волчонка, забирай и паси хоть в Бялом, хоть в Дальней Гати, хоть за краем леса и Срединных княжеств.

– Тогда зачем она тебе? – не выдержала Агата. – Зачем именно Эльжбета? Взял бы девку у Милоша! У Гжеслава! Да любую из княжен! Что сделал тебе Казик, что ты так наказываешь? Уж он в земле, а мы все отмаливаем... Так скажи, за что?

Владислав помолчал немного.

– За бабью долю, – мрачно ответил он. – Невольничью. И козочку, что пустили под нож за то, что пошла на веревочке у дурного человека.

– Какого? При чем здесь Казимеж? Мы при чем?

Агата почувствовала, что ответить ей больше некому. Тьма опустела, стала гулкой, словно темная бочка.

Глава 16

Тьма доносила эхо шагов, дальний собачий лай, холодное дыхание осени. Вечерние шепоты сменились в чаще ночными шорохами. Проха семенил по дороге, устало переставляя лапы. Луна уже захватила власть на небосводе и теперь скалилась с небес кривой рожею. Проха поднял голову, презрительно рыкнул на нее и поспешил дальше.

Вдалеке едва заметно что-то засветилось за деревьями. Пес опасно замедлил шаг, вслушиваясь.

Лаявшие вдали собаки заливались не от страха или тревоги. Ленивый перегавок сообщал лишь о том, что в какой-то глухой деревеньке все спокойно, чужаков на дворах нет, куры спят, да какая-то дворовая брехунья твякала о том, что к ее хозяйке пришел щедрый хахаль.

Проха никогда не стал бы брехать про хозяев. Породистый пес такого не сделает. Он вообще был не из болтливых. Если брехать, ничего съест не успеешь.

Проходимец скрылся в лесу. Свернув с дороги, побрел, осторожно ступая на сухие ветки, словно превратился из здоровенного, как теленок, гончака в невесомый призрак пса.

Невдалеке горело несколько костров. Но ббольшая часть путников столпилась у одного, откуда доносились тихая музыка и тоскливый, рвущий душу напев.

Прошка с удивлением заметил княжеский возок. Видно, высокие гости Бялого ехали мимо, услышали певца у костра и решили сделать остановку в пути, а не торопиться в ночь к ближайшему постоялому двору.

Певцов оказалось двое – уродливый старик да совсем мальчишка, медленно перебиравший кривыми тощими пальцами струны гуслей. Однако эти пальцы извлекали из гуслей такие звуки, что Проходимка невольно подумал о еде, о доме, о теплых руках хозяйки и запахе трав, исходившем от них. Старик гудел на одной низкой тяжелой ноте медлительным речитативом, а мальчик выводил тонко и жалостливо, так, что Проходимке захотелось запрокинуть голову и завить от какой-то неясной, чужой тоски.

Какая-то девка, сидевшая по правую руку от старика, разревелась, промокнула глаза рукавом рубашки. С подола скатился круглый хлебный колоб и упал на траву. Девка не заметила – всхлипывая, пыталась остановить слезы, щедро лившиеся по щекам. Прошка узнал ревушку – это была одна из служанок старого хозяина. Проха хорошо ее помнил: он всегда запоминал тех, кто его кормил и кто пинал, и не упускал случая подвернуться под руку первым и тяпнуть за ляжку вторых. Пес протиснулся между сидящими и стоящими, надеясь ухватить хлеб и слопать раньше, чем девушка заметит пропажу.

Увы, пришлось осадить назад. Какой-то молодец в красных щегольских сапогах подсел к растяпе, протянул платок. Проха узнал сапоги и тихо зарычал. Девка сперва шарахнулась от дарителя, но сдержала себя – чай, не из деревенских, – поклонилась, приняла лоскуток ткани, приложила к глазам. Молодчик с некоторым удивлением разглядывал ее прямую спину и дорогию, хоть и чуть вылинявшую, синюю ленту в длинной косе.

Спросил о чем-то. Она ответила, чуть поклонившись. С господином разговаривала. Видно было, что в этот миг господство его совсем не радовало. Через какое-то время девушка перестала всхлипать, робко улыбнулась. Старик с мальчиком затаили что-то лихое про славного князя Радовера, которого погубил юный племянник. Ушлый юнец стал возлюбленным княгини, а потом предал Радовера, убил его при помощи вероломной супруги, а после убил неверную супругу и наследника и встал на княжение.

Тянулось все долго: князь в песне походил на великодушного дурака, супружница – на непристойную девку, а юнец певунам словно бы даже нравился – бесстыдной лихостью, удачливостью ли, но, словно опомнившись, раз за разом певцы обещали, что найдет Судьба на его затылок «лисю колотушку».

Про колотушку Прошка знал не понаслышке. Он часто охотился с хозяином, который охоч был до лис, как до баб, или до баб, как до лис, и в лес со сворой отправлялся часто.

– Что в лесу, что дома – лай да тьяканье, а, Проходимец, – трепал его за уши хозяин. – Только тут, в лесу, и перстень наготове, и лисья колотушка.

Вспомнив нехорошую усмешку старого хозяина при упоминании этой колотушки, Проха решил от греха подальше убраться от костра. Княжеский возок стоял в отдалении, в тени. Дружинники дремали. Один шугнул было пса, но Проха только сонно рыкнул и забрался в возок, завалившись под одной из скамей, на которой, скинув тяжелые черные сапоги, спал кто-то большой.

Может, от его мерного храпа, а может, от навалившейся усталости заснул Прошка сразу же, как смежил глаза. Снилось ему лисья княжеская охота в Бялом, кричали загонщики, ржали кони, сыпались искры с кольца князя, только князь отчего-то приснился чужой – не Казимеж, хоть и похож на него. Такой же желтый ус и чуб, такое же зеленое золотничье кольцо на пальце. Старый хозяин обнаружился между загонщиками. Он словно бы и не кричал особенно, и не гнал, а только держался поодаль да улыбался.

Лис было три. Старый мощный лис с проседью в шкуре цвета песчаной отмели, огненно-рыжая подруга и совсем небольшой лисенок удивительной черной масти. Старик бросался на псов как безумный, норовил сцепиться пасть в пасть, но белая молния с кольца настигла его, спеленало по лапам колдовство. И опьяненные удачей, охотники рванулись дальше за убегающими лисицей и лисенком, а к дергающемуся в последней надежде вырваться лису подошел невысокий старик с колотушкой. Замахнулся. От хруста у Прошки заныли зубы. Почудился во рту кровавый вкус, да только какой-то не радостный, а словно бы гадкий, словно кровь была его собственная, да еще какая-то горькая. Пес попытался проснуться, но не мог. Сон сковал его, заставляя глядеть во все глаза.

И тут Проха услышал там, куда ускакали охотники, какой-то шум. Свора, недавно свирепо лаявшая, скулила, бросалась под ноги перепуганным лошадям. Всадники кричали, белые искры сыпались туда и сюда, но словно не достигали цели. А из леса на охотников надвигалось нечто, что Проха во сне силился, но никак не мог разглядеть. Казалось, сама тьма идет к ним, давит широкими черными лапами людей и собак. Мачтовые сосны ломались словно солома, сыпалась кора, падали с шумом ветки. Ночь наступала, и свет будто померк, а потом и вовсе иссяк, оставив всех в лесу во власти пришедшей тьмы. Словно в насмешку выскользнула откуда-то кругляшом Землицына медальона луна, закачалась на цепочке на шее тьмы.

А тьма смотрела вниз глазами цвета грозовых туч. И во взгляде ее померещилось Прошке что-то знакомое. До того знакомое, что единственная мысль, что осталась в широкой песьей голове, – надо бежать! Скуля, он бросился прочь, перескакивая корни, путаясь в еловых лапах, но, споткнувшись обо что-то большое, упал, покатился по земле, пачкая лапы в крови. Да только не в его собственной – в крови, что лилась толчками из разодранного горла старика с колотушкой. А прямо перед Прошкой стоял на высоких лапах мертвый лис с проломленной головой – зияет посреди лба красная, как рубин, кровавая вмятина. Только шкура у зверя была отчего-то не цвета песка, как Проха запомнил, а серая, словно серебром полита, и сверкало серебро в лунном свете, искрами белыми пробегало.

Проха зарычал, попятился, да только зверь – не разберешь уже, лис или волк, – покачнулся и упал на тело мертвого своего убийцы. Проха моргнул, все еще надеясь успеть проснуться, пока тьма не настигла, не увидела его стоящим над мертвецами. И снова все переменялось – не осталось ни волка, ни старика, только лежал на пожухлой траве черный плащ с чернскими гербовыми волками. Проха потянул зубами плащ. Под ним не оказалось ничего. Только небольшой золотой кругляш.

Проходимка хотел тронуть его лапой, но не успел. Что-то белое мелькнуло сбоку. Огромный лохматый пес белоснежной масти зарычал на него: не тронь, мол. Сверкнул семицветными глазами и со всей силы ударил гончака обеими передними лапами в лоб.

И Проха проснулся, ощущая во лбу боль от удара. Да только не лапами странной собаки, а большим черным сапогом. Тот, кто спал на скамье, тоже проснулся чуть раньше и, обуваясь, приварил псу по морде. Прошка помотал головой, но двинуться побоялся. Помнил, как принял его господин в черных сапогах за кого-то дурного.

Сапоги исчезли. Видно, их хозяин выбрался из возка пройтись. Прошка выполз из-под скамейки. Брюхо тотчас откликнулось урчанием, напомнив, что булку ему вчера украсть так и не удалось. По счастью, она осталась лежать там, куда упала. Девушка о ней не вспомнила. Люди собирались продолжить путь. Первый воз обоза уже выехал на дорогу. На втором еще собирались, укладывали вещи.

Давешний молодчик, несмотря на сердитые взгляды отца и сочувственные дружинников и конюхов, стоял поодаль, держа за руку девушку с косой, не отрывая от нее взгляда. Прошка подобрался поближе к возу, чтобы попытаться расслышать слова. Нет ли среди них упоминания о том, когда господа соберутся есть.

– Ядвига, поедем с нами. Нечего сейчас делать в Бялом. Мы только оттуда, день как выехали. После смерти Казимежа все быстро переменялось, поверь. Поехали. Будешь у нас служить, – уговаривал господинчик, сверкая глазами. Отчего-то вспомнился Прохе Иларий, который «свое взял». Этот, верно, тоже хотел взять или урвать, да не больно ему перепадало.

– Простите меня, господин Лешек, что расплакалась да разболталась. Мне матушка-княгиня всегда говорит, что погибну через свой болтливый язык и глупость, – ответила девушка, косясь на воз. Все места заняли, оставив ей самое дурное и тряское. Но господин все не желал отпустить ее, держал за руку.

– Такого человека, как ты, Ядвига, я давно не встречал. Как отпустил тебя Бяломястовец, не понимаю. Зато знаю теперь, что княгиня Агата – мудрая женщина, что отослала тебя к Якубу Казимировичу. Если такая, как ты, будет рядом с князем, устоит Бялое в грозу.

– Какую? – всполошилась Ядвига. – Вы все поминаете про какую-то грозу, да толком не говорите. Я хоть и глупая, а все-таки могу понять.

– Не могу ничего сказать. Ведь о тебе говорил Тадеуш, когда рассказывал, что девка помогла ему с постоялого двора выбраться? За это тебя отослал Якуб? Отца испугался?

Ядвига кивнула, а потом, опомнившись, замотала головой.

– Нет, я глупая. Не понимаю. Но если гроза эта придет, верно, людям будет беда. Скажите, если будет. В Бялом люди хорошие. Везде хорошие.

Девушка сжала обеими ладонями пальцы своего спутника. Лицо у Лешка сделалось темным, взгляд стал больным, словно каждое слово Ядвиги причиняло ему страдание.

– Гроза, Ядзя, она такая – не остановить ее. Потому и прошу тебя – едем с нами.

– Я к нему поеду, – спокойно, поняв, что не добьется правды, ответила Ядвига. Отняла руки. – В Бялом у меня и дом, и сердце. Идет гроза – встречу ее там, где родилась, с тем, кому Землицей обещана. Вы и сами бы так решили, верно, княжич?

Она повернулась, пошла к возу, откуда уже поглядывали сердито.

– Да ведь так и проходишь весь век в служанках, Ядзя! – крикнул ей вслед разозленный гордым ответом девчонки Лешек.

– Лучше сердцу служить, чем без сердца властвовать. – Пословица пришла на язык сама. Ядвига охнула, поняв, что высказала. Прижала ладони к заалевшим от стыда щекам.

Лешек развернулся на каблуках и пошел к своим, ничего не ответив.

– Девка, полезай, а то дотемна с тобой не доедем! – прикрикнул на Ядвигу кто-то. Она заняла место, прижав к себе свой узелок. Тряская телега двинулась по дороге вслед за первой.

Прошка, пользуясь тем, что княжича за что-то вполголоса отчитывал отец, прошмыгнул в возок и спрятался под лавкой, рыча на себя, что не успел увязаться за гордым господином Черны и его великаном. Пока держался в воздухе запах смерти за их возком, все было ничего. Да только намудрил что-то Чернец – жуткий дух пошел куда-то вверх, к небесам, и Прошка потерял след, заплутал. Полтора дня бегал по округе, пытаясь отыскать дорогу.

Возвращаться в Бялое было нельзя – признают, загонят на псарню или привяжут, как любого беглеца. Шутка ли, сколько его не было. И не расскажешь, что выбрал ему цветноглазый пес новую хозяйку и послушаться его приказа нельзя. Это Прошка понял даже не умом – ум был собачий. Это почуял он хребтом и шкурой.

Жаль, не явился белый пес подсказать ему путь до лесной хижины, где жили они с хозяйкой последнее время. Отчего-то Прошка был уверен, что она вернулась туда.

Возок покатился дальше. Прошка понадеялся на собачий авось и на то, что на ближайшем постоялом дворе услышит знакомое слово «Черна» и пристроится в нужный обоз.

Страх ушел из песьей души. И если б знал Прошка, что такое судьба, то понял бы, что полностью положился на ее волю.

Глава 17

Будь ее воля, весь век провела бы Агнешка, забившись в какой-нибудь глухой угол. Где в деревеньке пять домов, да и то все с краю. Где мальчишки пасут коз, куры гребут пыль на дороге. Где вся жизнь уместается на пространстве чуть побольше горсточки – маленький крытый соломой дом да огород, похожий на сшитые вместе бабы платки. Где живут тем, что вырастят, в чужие дела не суются, зато при встрече любому поклонятся. Где вилы берут только для того, чтобы кидать навоз или сено.

Но, видно, не так Судьба рассудила, не так в большой незримой книге Земли написано про нее, Агнешку. Выводил кто-то «дом», а получилось «дорога», писал «покой», а получилось «путь». Сворачивались пути-дороги то в хлесткий кнут, то в петлю-удавку. То расходились тропки вилами, то сходились вновь, связываясь в крепкие узлы. И беспокойно спалось на тех узелках. В любом доме засыпая, ждала Агнешка, что снова сгонит ее с места, поволочет в дорогу.

А теперь и дорога вышла вся. Агнешка тащила по лесу, едва передвигая ноги. Словно кто водил ее кругами, не давая приблизиться к какой-нибудь деревне или выйти на просеку. Лес шумел, переключался над головой птичьими голосами. К вечеру он приметно выстыл, и Агнешка, стуча зубами, уговаривала себя, что день, два – и снова встанет хорошая погода. Начнется второе короткое лето, прозванное в народе бабым, и станет чуточку теплей. По теплой погоде и люди добрее и приветливее. Может, и не прогонят со двора, если попроситься.

Путь до Черны она знала хорошо, да только по дороге сперва идти побоялась, а потом и дорогу-то потеряла. Двигалась наугад, по солнцу. Раз или два повезло – и случилось ночевать в деревнях, забравшись на открытый сеновал. Но все чаще приходилось оставаться на ночь в лесу. Видно, и теперь придется.

Солнце давно село. Скатилось куда-то в ветви, пролилось медом на рыжую хвою.

Агнешка села на упавшее дерево, сорвала под ногами трилистник кислицы, пожевала. Лучше не стало. Напротив, от кислого сока живот еще настойчивее попросил еды. Агнешка знала травы, как никто другой, да только, сколько ни перебирай, какая травка для чего, а хлеба или мяса из травы не сделать, не выдоить ни молока, ни меда.

Она сжалась калачиком, стараясь уместиться на колоде, чтоб поднимающийся от земли холод не достал. Некстати вспомнились матушка, старый дом, в котором когда-то было так тепло. Материнские руки: «Не плачь, Ягинка». И это «Ягинка» потянуло за собой из памяти красивое лицо синеглазого мануса. Агнешке стало так жаль себя, что слезы встали в глазах.

Поверила. Словно вилами не учена. Захотел манус – и взял. Почуял, что сила возвращается, про душу живую, что ему доверилась, тотчас забыл. Только руки свои помнил. А потоком вернувшейся силы из Агнешки душу вышибло. Не приди за ней пес Проходимка...

От мысли о гончаке, оставшемся по ее глупости и неосторожности в Бялом, жалость к себе сменилась лютой виной. И вот тут-то Агнешка и заревела, захлебнулась слезами.

Матушку не спасла, возчика едва не погубила, пса, что так ей доверял, потеряла.

«А все ты виноват, – прошептала она, вызывая из памяти лицо Чернского мага. – Душегуб. Не прижгли бы для тебя Иларию руки – не пришлось бы мне его лечить. Не потащил бы ты возчика в Бялое, вместо того чтобы домой пустить – не потеряла бы я Проходимца, вовремя вернула бы тело возчику Славке, а если б поторопился со своим снадобьем на шесть с лишним лет...». Даже в мыслях не сумела она выговорить. Слишком больно было вспоминать: жуткий ком человеческой плоти, хриплое, со стоном, дыхание. Крики деревенских, ищущих ведьму, которая вызвала гнев Земли и оборотилась чудовищем.

Это сейчас уж все знали о топи, а тогда никто ничего не ведал.

Агнешка вспомнила, как тащила на себе то, что осталось от матушки, как лилась на лицо кровь. Как спрятала матушку в подпол, чтоб не достали вилы и топоры деревенских. И как потом спустилась туда с костяным ножом, чтоб прекратить мучения той, кого любила больше всего на свете и ближе кого не было у нее и до сих пор не нашлось.

«Где ты был тогда, Чернец, со своим зельем?» – мелькнуло в голове.

Легко выплыли из памяти серые глаза князя, уверенный голос. И снова стало отчего-то так спокойно, что Агнешка перестала дрожать, разжала кулачки. Глубоко вдохнула.

Не видела она, не могла видеть, как склонилась над ней в лесной тьме чернильная тень в просторном одеянии. В черных провалах глаз светились, переливаясь семью цветами, крошечные огоньки. Тень склонилась, коснулась узкой костяной ладонью головы травницы, поправила косынку, выбившуюся прядь, нарисовала над девушкой знак Земли и истаяла.

И в этот момент с дороги донеслись голоса и ржание лошади. Какая-то баба бранила мужа за медлительность. Лошадка, утомленная долгой дорогой, плелась нога за ногу, и Агнешка легко попевала за ними, не выдавая себя торопливыми шагами. В лесной тьме...

Глава 18

...ничего было не разобрать. Оставалось двигаться ощупью, опасно. Одно неверное движение дорого может обойтись.

Владислав сам не смог бы себе ответить, отчего тревожится. Дитя в утробе зачаровал он крепким заклятьем, которое и словник едва ли пробьет, только если другой высший маг, да от такого удара, скорее всего, помрет от отповеди. Вряд ли кто отважится. Колдовство ни при чем. Нет таких отчаянных смельчаков в Срединных землях, чтоб попытались наследнику Черны навредить. Они скорее дождутся, пока он родится, да попытаются избавиться от родителя и стать советниками при дуре-княгине.

Владислав недобро усмехнулся: уж пробовали так Чернскую землю себе взять. Кровью захлебнулись.

Заметив выражение его лица, Эльжбета отодвинулась, испуганно отвела руку мужа от живота.

– Что? Беда с наследником? – прошептала она.

– Все хорошо, женушка. А ты сама не больна ли? Тяжело дается дитя? – Владислав смотрел на жену, не отводя взгляда, и Эльжбета смешалась, опустила голову, залившись краской. И не понять, смущения ли, стыда или гнева.

За время, что носит его ребенка, Эльжбета и правда сильно переменялась. От бывшей ее красоты остался лишь призрак, исчезающий след. Фигура бяломястовны начала расплываться, черты лица будто бы смазались, в вечно покрасневших, будто заплаканных глазах не отражалось ни капли нежности, а на личике застыло какое-то брезгливое выражение. Может, и права была Агата, стоило взять одну из девок Милоша. Да только в те поры слишком сладка казалась месть...

Губительна красота, обманчива.

Вспомнилась ему погибшая от радужной топи в Бялом ведьмачка. Тоже красоты была удивительной. Брови какие, глаза, стать княжеская. Ничего не осталось от этакой редкой красы, когда свалили они несчастную дуру на ледник. Владислав хотел сразу резать и брать образцы, да только сил не оставалось совсем, а разговор с тещей и вовсе лишил последних.

Влад едва добрался до своей постели, лег и тотчас провалился в сон, тягостный, полный горьких воспоминаний. Ему снилась мать, сидящая с рукоделием в солнечном луче. Снился Казимеж Бяломястовский, в те поры еще не наследник, молодой, златоголовый. Казик оглаживал пшеничные усы и все улыбался. И Владиславу хотелось дотянуться до него через толщину лет и выкрошить предателю его белые зубы.

Владислав встал, едва сон отпустил его, и, плеснув на лицо обжигающе ледяной водой на колодце, прошел сразу в подвал, где валяющийся с ног от усталости Игор копался на леднике, пытаясь взять образцы с тела изломанной топью бабы. Владислав отослал его отдыхать, кликнул Конрада. Толстяк от избытка рвения не страдал – спал всю ночь как младенец. С ним вместе перевалили тело на стол, принялись за работу.

Но отчего-то чем больше вглядывался князь в петли истерзанного неведомым колдовством тела, тем больше тревожился за наследника. Слишком быстро растеряла Элька красоту, слишком частоказывается больной. Раньше думал он, что пользуется супружница своим положением, чтобы избежать его внимания, но теперь встревожился. Не пытается ли кто навредить наследнику и княгине?

Поняв, что случай в Бялом подтверждает прежние его выводы, Владислав дождался приличного для гостей времени и отправился на женскую половину – осмотреть жену.

Знал лучше всех баб в доме, что сквозь свое же заклинание почти ничего нельзя увидеть – и все-таки пошел. Потянулся своей магией сквозь заслоны заклятья в надежде: крошечный высший маг сумеет дать знать отцу из материнской утробы, что с ним все благополучно.

Ни движения магии не дождался он. Только перепугал ранним посещением Эльжбету и тещу. Агата смотрела овцой, что зажали в угол перед стрижкой, и от этого ее взгляда тревога князя росла.

Может, решили без магии обойтись? Травят Эльку?

Не допустила бы такого Агата. Не станет она жертвовать дочерью, в которой души не чаёт, чтобы отомстить ему.

– Чем могу я помочь твою грусть развеять? – спросил он ласково у жены. Но оба они понимали – нет между ними места ни ласке, ни нежности. Его княжеская воля против ее бабьего своеволия.

– Не надобно мне ничего, – отозвалась Элька. Словно кошка разозленная фыркнула. – Одна мне отрада, господин и муж мой, когда ты княжескими делами занят.

Теща едва языком не подавилась, услышав такое от дочери, а Владислав только рассмеялся. Есть в мире вещи неизменные, есть. Опоры и столпы. И один из них – Элькина к нему ненависть. А значит, не рухнет мир, удержится.

– Не стану тебя утомлять, жenuшка. Если нужно будет что, пришли девку, тотчас все сделано будет.

Он повернулся к двери.

– А повитуху-то? – как-то жалобно, с надрывом спросила в спину теща. – Осень скоро, а за ней и зима. Размоет все, дорог не отыщешь. Где тогда станем искать? А ведь Эльжете рожать еще по снегу. А если и сойдет снег, так снова все Срединные земли в воде стоять будут. Пока твои гонцы будут грязь месить, пока соберутся колдуньи со всех княжеств. Да и пойдут ли хорошие по бездорожью в эти края...

– Проклятые? – договорил за нее князь.

Агата смешалась, отступила.

– Верно говоришь, тещенька, осень скоро. – Владислав бросил взгляд на окно, за которым серело затянутое тучами небо. Коротко теплое время в Срединных землях. Отцветшее лето уже вынашивало в небесном брюхе бесконечные осенние дожди, от которых княжества превратятся в острова, со всех сторон обвитые ливневыми потоками. А потом заморозит, завалит под окна снегом, так что останется только читать при свечах или лучинах, слушать странствующих песенников, если удастся залучить кого на зиму, да ждать, когда мир вновь из белого станет многоцветным.

Выльются первые дожди, постоит еще седмицу-другую солнышко, согреет напоследок. Права Агата – сейчас надо повитух собирать и смотреть, по теплу.

– Верно ты говоришь, тещенька. Сегодня отправлю вести к соседям. Дней через семьдесят устрою смотрины. Если есть у тебя кто в Бялом на примете, из проверенных колдунов – дай знать, доставим. Да только решать я буду.

Эльжбета приоткрыла рот, чтобы возразить, но смолчала. Агата покорно кивнула, открывая перед зятем дверь. От такого приглашения – убраться из бабьего царства восвояси – грех было отказываться. Князь вышел прочь, велев попавшемуся на дороге слуге кликнуть к нему Игора.

Ночные видения еще бродили где-то внутри, восстав из памяти, не желали успокоиться. От мысли, что нужно спуститься в лишенный солнечного света, пронизанный смертным холодом с ледника подвал к исследованиям, по хребту пробежала холодная волна. Владислав, рыкнув на подвернувшуюся под руку девку, развернулся и вместо того, чтобы пойти на свою половину, вышел через женскую в сад. Сел на траву, запустив пальцы в ее зеленые космы. Сорвалось

с ветки тяжелое яблоко, покатилося по земле в ложбинку. Напуганная, метнулась из листвы с тоскливым криком какая-то птица.

Глава 19

Крик прорезал тишину, заметался под низким пологом облаков. И только потом пришло осознание, что вокруг вовсе не тишь. Хлынул откуда-то со стороны обычный дворовый шум: позвякивание упряжи, лязг, шорох, перебранка ямщиков.

Проха поднял голову так резко, что ударился широким лбом о перекладину под сиденьем возка.

– Гжесько, княжич Тадеуш приехал?

Прошка легко узнал голос обладателя больших черных сапог.

Невидимый из возка Гжесько пробормотал что-то. Судя по гневным словам хозяина сапог и самого Гжеськи, княжич еще не воротился. Слышно было, как распрягают лошадей, как сваливают на землю сундуки со скарбом.

Проходимец, прокляв все на свете и себя, что так заспался, завоzilся под сиденьем, прижался влажным носом к щели между дверью возка и стенкой, засопел, пытаясь понять, куда его занесло. Из щели тянуло влажной землей, лошадиным пометом и оладьями.

Проха невольно заколотил хвостом по полу возка. К оладьям, верно, полагалась сметана или сливки, а может, и мед, а до меду Проха, вопреки собачьей природе, был охоч как беременная баба.

– Слышь, стучало что-то, – раздалось совсем рядом, за стенкой возка. В дверь заглянул холоп, косматый, пегий, но опрятно одетый. К чести господина.

Прошка вжался в темный угол.

– Да не, – отмахнулся другой, отодвигая бдительного в сторону. – Лучше шкуру вытряси, что князьям под ноги постелили. Вот в Бялом чудачи, право слово. Меха под лавку, под ноги, по летнему-то пути. Монет, знать, куры не клюют...

Первый потащил замершего Проху за шкуру к двери, и уж тут гончак не выдержал и с лаем рванулся прочь, перепугав обоих, да и себя, так, что лапы еще долго тряслись, когда Проходимец, отыскав под сараем выкопанный кем-то лаз, забился туда и притих, слушая, как шумят во дворе.

Глава 20

Народу набралось полно. И площадь, и окрестные улицы заполнило цветастым людским морем. Море шумело. Особенно старались бабы, ведь каждая из них считала себя так или иначе причастной к разворачивающемуся действию – у той в княжеских палатах сейчас была сестра или сноха, у той – соседка, а та, что не имела ни родственников, ни соседей, цокала языком и приговаривала, что и ее звали, да не пошла.

Князь Влад Чернский выбирал повитуху.

В палате было душно. Бабье лето царило во всей своей красе. Яркое солнце лезло в окна, словно силясь напоследок ощупать все горячими пальцами. Прохладный ветерок, что попытался было сунуть влажный нос в открытое окно, тотчас отпрянул, натолкнувшись на тяжелый дух людского сборища. Пахло потом, мехом, маслом и уксусом. Народу набилось больше обычного. Кроме советничьих шапок, которых было немного – не жаловал князь Влад советов, на свою голову полагался, – виднелись по сторонам пестрые праздничные сарафаны да меховые душегрейки приближенных ведуний. Красные, разряженные, с намасленными проборами – бабы теснились, с неизменным достоинством задирая подбородки и яростно защищая локтями отвоеванное место в первых рядах. Их мужья, тоскливо поглядывая вокруг, отступали поближе к открытым окнам, которые не спасали от адовой духоты.

Посередине палаты, от первой ступеньки княжеского места до самой двери – ровная, напряженная, словно струна, – натянулась шеренга избранных. Разновозрастные повитухи, вперемеж истиннорожденные и мертвячки, стояли смиренно, едва касаясь друг друга рукавами и не дерзая переброситься словом. Ждали князя.

Влад не спешил появиться, стоял в полутемной нише, внимательно рассматривал повитух. В такой жаре силу гонять было себе дороже. Хоть к одной из них в голову забраться, в мыслях, в памяти посмотреть – головная боль. Не стал князь колдовать – стоял, смотрел внимательно на красные от духоты лица, на слезящиеся от крепкого запаха пота глаза. Иные сердились на хозяина Черны: не роптали, но сведенных бровей и сжатых губ спрятать не смогли. Влад, невидимый толпе, поманил слугу, едва приметным жестом указал на пятерых самых суровых:

– Передай каждой полтину да княжескую благодарность и проси вон, – коротко бросил он.

Палочник повиновался, подошел и шепнул каждой на ухо, что велено.

Две или три фыркнули, одна и бровью не повела, а пятая, крупная приземистая баба, бросила деньги на пол, размахнулась и въехала парню в ухо. Слуга повалился в толпу, подхватили, поставили на ноги. Кто-то хохотнул было, но смех замер. Грозную бабищу вывели.

А Влад все не показывался из своего убежища. Не торопился. Был он в одной нижней рубашке, рядом стояло ведро с колодезной водой, которое уже дважды сменяли слуги – приносили холодную взамен согревшейся. Влад умылся, плеснул на рубашку.

В зале в толпе начали падать. Разряженные ворожеи медленно оседали на руки мужьям, их вели к окошкам, обмахивали полами да платочками. Но не над приближенными куражился Влад и не глядел на глупых да тщеславных, что жадно вдыхали едва проникающий в открытые окна воздух. Смотрел на повитух.

Одна не выдержала, повалилась, побагровев лицом. Другая, третья. Обморочных вынесли. Влад качнул головой – остальным подали напиток.

Пили все по-разному. Кто-то жадно, захлебываясь, пунцовая краска медленно, пятнами, сходила с лиц, сменялась усталой бледностью. Другие пили медленно, чванливо. Владислав с улыбкой наблюдал, как и те, и другие с жадностью глядят на серебряный поднос, на котором

лежали ковши, и на бочку, в которой становилось все меньше холодной воды. Последним двум досталось едва полковша – не то что напиться, губ толком намочить не хватит.

– А нам? – взвизгнула, нехорошо блестя глазами, высокая женщина во вдовьем платке. – Или у князя Владислава воды недостает?

Влад усмехнулся, ждал, что будет.

Слуга глянул тайком туда, где стоял князь. Ждал приказа – которой из двух ковш подать. Князь едва склонил голову вправо. Привычный к прихотям Чернского господина, слуга протянул ковшик, но не крикливой бабе, а ее соседке – худой, наглухо повязанной черным платком молодой женщине.

– Мой черед, – завизжала высокая. – Кому подаешь?

Но слуга молча пронес ковш перед лицом крикуньи и с поклоном подал ее соседке.

– Ей отдай, – едва приоткрыв губы, ровным, бесцветным голосом вымолвила та. – Я пить не желаю.

Соседка, все еще ругая вполголоса недоумка-слугу, припала к ковшу. Та, что в платке, и не глядела на нее. Просто подняла полный укора взгляд и метнула туда, где прятался в своем убежище князь.

Владислав не стерпел.

Набросил на плечи шитый золотом черный кафтан, еще раз плеснул на лицо колодезной воды и неторопливо, степенно вышел к ожидавшим.

Толпа тотчас отхлынула, расступилась, словно ветер прошел по занавесям.

«Ишь, как... – Забавляясь, князь глядел на багровые лица. – Готовы передавить друг дружку, а на лишний шаг ко мне не подступят. Сколько лет под моей рукой живут, а все одно – боятся...»

Владислав медленно прошелся вдоль ряда повитух, скользнул взглядом по напряженным лицам. У самых дверей повернулся, двинулся обратно – на этот раз останавливая на неподвижных, как статуи, женщинах тяжелый, пристальный взгляд. Иные опускали глаза, другие отводили.

– Что в глаза не глядишь? – насмешливо спросил князь у высокой сухой ворожеи, перебиравшей руками ситцевый подол.

– Ведунья Наталка, – тихо подсказал следовавший за ним слуга.

– Что, Наталка, прячешься? Может, совесть у тебя нечиста?

Ворожея, дрожащая от страха, вовсе потеряла дар речи, вцепилась горстями в подол, залепетала:

– Князь-батюшка, не погуби...

– Не погублю, – бросил князь, – на что ты мне, коли от одного вида княжеского робеешь. Супружница моя не из покладистых, и как роды подойдут, едва ли посмирнеет...

Князь двинулся дальше. Бабы старались смотреть в лицо, да все одно – не выдерживали, отводили взгляд. Раз или два князь останавливался, будто бы раздумывая, не заговорить ли с повитухой, но проходил мимо. То ли от напряжения, то ли от недоброго княжьего взора понесли слуги еще троих на воздух. Однако ряд желающих быть принятыми на службу оставался плотным. Прорехи тотчас стягивались, женщины с презрением и жалостью смотрели, как выносят слуги их менее удачливых товаров.

– А ты что воды не пила, может, пост какой у тебя или обет? – сурово спросил князь у невысокой молодой женщины, такой худой, что скулы ее заострились, а вокруг глаз залегли черные тени.

– Словница Ханна, – подсказал слуга, и князь еще пристальнее вгляделся в ее изможденное лицо. Что-то показалось в нем ему знакомо, а что – никак не припомнить.

– Благодарю, князь-батюшка, за твою заботу. – Она поклонилась, вроде бы и низко, да только ни в поклоне, ни в цепком сером взгляде ее не было ни капли почтения. Дерзость одна. –

Не изволь, батюшка, беспокоиться. Мои обеты тебе вреда не сделают: между мной и Землицей много не переговорено, между нами и останется.

Маленькая гордочка задрала острый подбородок, выдержала взгляд Владислава.

«Хороша», – подумал князь, невольно восхищаясь удивительной ее дерзостью. Хороша была словница Ханна. Не женской прелестью – на бабье богатство князь редко засматривался. Было в худой и прямой как палка маленькой женщине удивительное для Влада бесстрашие. На князя смотрела так, словно сама – высший маг, а в крови ни капли силы, хоть всю выжми. И ведь знала, что от него не скроешься, по глазам видел князь – знала Ханна, что в мгновение поймет Чернский господин, что не словница перед ним, а глаз не опускала. Мол, вот она я, вся перед тобой: хочешь – бери на службу, не хочешь – дорога от твоего крыльца во все стороны ровная.

– А отчего ты решила, что в услужение мне годишься, словница? – На последнем слове князь понизил голос, но Ханна ничуть не смутилась, бровью не двинула, лишь чуть прикрыла веки:

– Оттого, батюшка, что я хорошая повитуха. Силой мне тебя не удивить, много здесь, – Ханна медленно скользнула взглядом по рядам зрителей, – тех, кто сильнее меня. Но науку свою я крепко знаю. И потому там, где бессильна твоя магия, только я с моими травами, с мазями и настоями – всем тем, чем сильные брезгуют, – только я могу встать между твоим наследником и Землицной сестрицей.

– А не боишься Цветноглазую гневить? – бросил Влад. – Не ровен час приберет тебя за твой ядовитый язык.

Ханна усмехнулась, покачала головой – от этого движения ее глухая косынка чуть съехала назад, и из-под реденького дешевого полотна выскользнул рыжеватый локон. Обманная словница тотчас почувствовала, ловко заправила волосы под платок. Но Владислав заметил, в глазах его зажегся недобрый огонь. Он кивнул мальчишке, тот подскочил, и Влад что-то коротко шепнул ему на ухо.

– В ножки я ей кланялась, просила прибрать, – сказала Ханна почти насмешливо, делая вид, что ее вовсе не испугал ни в одно мгновение потемневший взор князя, ни поспешность мальчика-слуги, с которой тот бросился исполнять приказ господина. – Да только не берет меня тетенька Безноса.

– А если я пособлю? – гневно сведя брови, спросил Влад. Слышал, как охнул за спиной у него слуга. Сама повитуха на Страстную стену просится.

– Пособи, батюшка, – тихо отозвалась женщина с легкой улыбкой, – авось тебя она послушает. А травы для поможения в родах я тебе оставлю... Найдется у тебя толковый лекарь, чтобы мази смешать?

– Лекарь-то? – спокойно проговорил князь, и от этого тихого ровного голоса холод бросился по спинам зевак. – Эй, словник Болеслав. Поди-ка сюда, батюшка.

Оттуда, где недавно скрылся мальчишка, вынырнул благообразный плешивый старик с угодливым и кротким лицом и остановился рядом с господином, почтительно уставясь в пол.

– Смешаешь ли ты мази, если тебе эта... госпожа Ханна травы оставит. Вы ведь оба... словники.

При этих словах князь как-то по-особенному взглянул на старого мага, словно бы хотел вложить в свои речи какой-то другой, только им двоим известный смысл. И Болеслав, видимо, уловил его, покачал головой:

– Нет, батюшка Владислав Радомирович, – отозвался он. – Тут, уж извини, бессилён.

– Так, может, другой кто? – проговорила повитуха, взглянув на словника из-под полуопущенных ресниц. И от этого взора словник как-то странно дернул головой и снова уставился в пол. Словно бы винясь, что не силен в лекарстве.

– Сама смешаешь, нечего... – бросил Влад. – Что же ты за лекарка, ежели работать другие будут? В Черне всякий сам за себя, а ты теперь Чернскому князю служишь.

И не поблагодарила. Так и стояла, худая и прямая как жердь, как вышел князь, пока расходились другие повитухи. Пока, толкаясь, пробирались на воздух зрители. Владислав остановился там, где стоял ранее, в неприметной нише. Ждал. Ждал и Болюсь, стоя рядом с хозяином.

Один из слуг подошел к словнице Ханне, позвал за собою в людскую – платье переменить перед представлением новой хозяйке. И женщина, пару минут назад дерзко смотревшая в лицо Чернскому владыке, покорно двинулась за слугой, кротко склонив голову. Долго ждал князь, думал – выдаст себя проходимка Ханна. Ждал – вот сейчас не выдержит, сбросит личину ложной кротости, кинет на нового господина быстрый цепкий взгляд. Но Ханна шла, ласково спрашивая о чем-то слугу, и тот уже через пару шагов по-отечески улыбался ей в ответ.

Тут уж не стерпел и сам князь.

– Уверен ты, старик? Точно не она? – спросил князь у словника. И тот затряс головой, закрываясь ладонями.

– Не она, батюшка князь, как Землица свята, не она. Уж ту девчонку я бы признал.

– А словно бы похожа, – проговорил князь, будто беседуя сам с собою. – Жаль, много лет прошло с того дня, когда топь княжича Якуба изломала. Там девочка совсем была, а по этой строптивой черной бабе разве разберешь, сколько ей лет?

Кивнул слуге, что стоял ближе, и велел привести к нему словницу Ханну, как готова будет, и позвать книжника Конрада, чтобы тот отвел новую прислугу ко княгине. Слуга удалился, в мыслях сочувствуя повитухе. Князь без особых усилий уловил простенькие его размышления и ухмыльнулся.

Глава 21

Умеешь ты прятать свои тайны, травница, но от меня не скроешься. Я ведь не простой деревенский мертвяк, чтобы так легко потерять твой след.

Иларий спешил, взял Вражко за повод и пошел к крайней избе. Древний старик сунул палец в шербатый рот, послунывил и принялся скатывать в трубочку табачный лист.

– А что, дед, – спросил у него Иларий, широко улыбаясь. – Нет ли у вас в деревне толковой травницы?

– Как нет, – отозвался дед, поднял на Илажку светлые, выбеленные годами глаза. – А тебе на что?

– Чай какая-нибудь карга старая? – усмехнулся Илажка. – Вроде тебя, батюшка.

– Сам ты карга, добрый молодец. – Старик плюнул на дорогу и снова послунывил палец. – Девчонка совсем.

Сердце так и прыгнуло в груди Илария, рука сама собой потянулась к ладанке, где лежали поверх щепоти родной земли свернутые в колечко несколько длинных рыжих волосков. Неужто нашел наконец? Далеко от своего старого лесного убежища забралась лисичка.

– А где эта твоя травница живет? – спросил Иларий ласково, боясь спугнуть долгожданную удачу. – Повидать бы мне ее. Дело есть.

– Тогда не болтай, чернявый, лезь на Сивку свою, глядишь и догонишь. Если уж тебе так приперло.

Старик отвернулся и принялся отрешенно ковырять в шербатым рту.

– То есть как догонишь? Убежала? – Иларий уже повернулся к Вражко, чтобы вскочить в седло. Помедлил, ожидая ответа старика.

– Да кто ж ей убежать-то позволит, – бросил нехотя старик. – Ее мужики ко Владиславу Радомировичу в Черну продавать повезли. Он, говорят, за таких девок платит золотом. Хоть за живых, хоть за мертвых. Вот и думаю, поспеешь ли со своей ворожеей перевидеться, пока мужички ее...

Иларий уже сидел в седле. Вражко взвился, обиженно заржал и рванулся в сторону леса, куда указал кривой темный палец старика.

Манус миновал лес, сошедший в редкий перелесок. Перед ним открылось голубое льняное поле, над которым тугими струями свивался жаркий воздух. Тропка шла краем. Маг не стал повиноваться ее извивам и направил Вражко в море цветущего льна. И сквозь грохот сердца и шум ветра услышал взвившийся над полем девичий крик.

Иларий не щадя ударил вороного плетью. Тот рванулся вперед. И маг вихрем влетел на поляну, где у костра расположились деревенские со своей жертвой. Видимо, мужички, подзуживая друг друга, все-таки решили, что Влад заплатит и за мертвую девку, а раз ворожее все равно не жить, можно и потешиться. Девушка, в окровавленном и разорванном платье, полулежала, прислонившись спиной к стволу березы, рыжеватые спутанные волосы упали ей на лицо. Руки, видно, прижженные в нескольких местах головней из костра, слабо цеплялись за траву. Девушка тихо стонала, а один из мужиков неторопливо развязывал тесемки штанов.

Он рванул девушку к себе. И она снова вскрикнула, но уже совсем тихо и жалобно. И тотчас тяжелое боевое заклятье ударило мертвяка по плечам и спине. Тот охнул и осел, сопя и булькая. Мужики бросились врассыпную, попрятались в кустах. Отповедь – едва заметная для разгневанного Илария – шаркнула мануса по рукам. Но Илажи уже соскочил с коня и бросился к девушке.

– Лисичка, Ягинка, – прошептал он, обнимая обмякшее тело, убирая белой ладонью волосы с перепачканного кровью и углем лица. На Илария уставились пронзительно-синие

глаза девушки. В глазах отражалось высокое равнодушное небо и – на мгновение – многоцветный взор Безносой Землицыной сестры.

Это была не она. Не Агнешка. Но Иларий отчего-то почувствовал, как зашипало в глазах, прижал к себе еще теплое тело молоденькой лекарки, уткнулся лбом в ее волосы и замер так, не глядя на мужиков, что, осмелев, выглядывали из пролеска, вооружившись толстыми ветками и камнями. Их топоры и обожженные колья, которыми обычно деревенские обозы оборонялись в пути, остались у костра. И мужики медленно приближались, надеясь успеть обойти сумасшедшего мага и дотянуться до своего оружия. А вот сталь, которую так боятся маги, сможет защитить от истиннорожденного и его расправы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.